

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Лев
Троцкий**

**РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ
АНТОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО ТРОЦКОГО**

Советский век

Лев Троцкий

**Революционерам. Антология
позднего Троцкого**

«Алисторус»

2022

УДК 141.33
ББК 86.42

Троцкий Л. Д.

Революционерам. Антология позднего Троцкого /
Л. Д. Троцкий — «Алисторус», 2022 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-248-8

В данное издание включены работы Льва Троцкого, написанные им в период вынужденной эмиграции из СССР. Он не просто проявляет блестящий талант аналитика, не только показывает способность критически переосмыслить многие из своих собственных прежних установок, но и заглядывает в будущее. Многие его прогнозы оказались преждевременны, но именно поэтому подобные тексты производят сейчас такое впечатление, будто написаны несколько дней назад. Например, разве мрачный прогноз капиталистической реставрации в СССР не подтвердился полностью, вплоть до деталей? Судьба Льва Троцкого оказалась трагична, чего нельзя сказать об его идеях. Несмотря на все поражения, он остается одним из самых популярных и читаемых политических мыслителей XX века, с которым продолжают спорить или соглашаться люди, родившиеся через много лет после его гибели.

УДК 141.33

ББК 86.42

ISBN 978-5-00180-248-8

© Троцкий Л. Д., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
I	11
О ТЕРМИДОРИАНСТВЕ И БОНАПАРТИЗМЕ	11
ПРОТИВ НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМА	15
РАБОЧЕЕ ГОСУДАРСТВО, ТЕРМИДОР И БОНАПАРТИЗМ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Троцкий Лев Давыдович Революционерам. Антология позднего Троцкого

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

«Реакционные эпохи, как наша, не только разлагают и ослабляют рабочий класс, изолируя его авангард, но и снижают общий идеологический уровень движения, отбрасывая политическую мысль назад, к давно уже пройденным этапам. Задача авангарда в этих условиях состоит, прежде всего, в том, чтобы не дать увлечь себя общим попятным потоком, – надо плыть против течения». Эти строки, написанные Л.Д. Троцким в 1937 году, как нельзя больше подходят и к современной российской действительности, к оценке состояния той части общества, которая идентифицирует себя как «левый фланг». Временное (как мы искренне считаем) торжество либеральных идей и глобального капитализма на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века, связанное с распадом СССР, породило масштабный кризис в мировом левом и коммунистическом движении. В особенности в России этот кризис выражается в том, что идеи борьбы за социальную справедливость нередко эксплуатируются националистическими, шовинистическими и полуфашистскими движениями, не брезгующими и псевдокоммунистической риторикой. Вместе с тем мы глубоко убеждены, что т.н. «кризис социализма» связан не с ущербностью социалистических идей, а с ущербностью, политическим и нравственным перерождением их формальных носителей – партократов бывшего СССР и стран Восточной Европы. Все сказанное выше актуализирует изучение мирового наследия марксистской мысли XX века. Представляемый российскому читателю сборник работ Л.Д. Троцкого, никогда ранее не издававшихся в России, позволит познакомить читателя с размышлениями автора о судьбах победоносной народной революции 1917 года, устоявшей под натиском внешних и внутренних врагов, но преданной изнутри силами, формально выступавшими от имени этой революции, сохранившими до поры до времени ее символику и коммунистическую фразеологию.

Как указывал ранее многолетний исследователь идейно-политического наследия Л.Д. Троцкого В.З. Роговин, для современного читателя будет представлять немалую сложность «столкновение с непрекаемостью коммунистических убеждений автора «Преданной революции». Трагический опыт дважды (в 1937 и 1991 годах. – *Сост.*) преданного социализма пошатнул уверенность многих в осуществимости коммунистических идей. Хотя, строго говоря, этот опыт поставил под вопрос не сами эти идеи, их подлинный смысл, а средства, методы, пути их реализации. Но в обыденном сознании – и это психологически понятно – недоверие к средствам легко перемещается на цели. Чтобы противостоять этому сдвигу, не столько стихийному, сколько умело и настойчиво провоцируемому, необходимо воссоздать историю и самих коммунистических идей, и попыток их воплощения».

Публикуемые ниже работы Троцкого были написаны им в эмиграции, когда он, анализируя успехи и поражения социалистического строительства, реконструировал и развивал марксистскую концепцию социализма, уделяя основное внимание тем специфическим реалиям и особенностям развития советского общества после 1917 года, которые не были предвидены марксистскими теоретиками и творцами Октябрьской революции.

Троцкий, по словам В.З. Роговина, подчеркивал, что к марксистской теории нельзя относиться фетишистски, она «не есть вексель, который можно в любой момент предъявить дей-

ствительности ко взысканию»¹. Если новый исторический опыт обнаружил ошибки и пробелы теории, то ее следует пересмотреть, исправить ошибки и восполнить пробелы. Только на этом пути можно понять причины возникновения разительных противоречий между марксистской доктриной и советской действительностью².

В настоящем сборнике мы представили те работы Троцкого, в которых он анализировал 1) философскую, политическую и морально-этическую сущность большевизма и сталинизма, как двух антагонистических течений; 2) противоречивую природу Советского Союза как «рабочего государства», созданного на базе планового хозяйства и национализированной экономики, сохранившего в социально-политической надстройке буржуазные принципы распределения, и социальное неравенство, которые не только не уменьшились со временем, но приумножились паразитической бюрократией, узурпировавшей власть в СССР; 3) опыт европейского революционного движения после 1917 года, прежде всего на примере революционной Испании, который позволил конкретизировать теорию «перманентной революции» и выдвинуть на повестку дня «Переходную программу» для революционного пролетариата эпохи империализма. («Агония капитализма и задачи IV Интернационала»); 4) Вторую мировую войну как порождение глобального кризиса капитализма, роль революционного пролетариата и предательскую роль кремлевской бюрократии, лавирующей между империалистическими группировками и примкнувшей к гитлеровской Германии в 1939 году.

Размышляя над процессами социального расслоения в большевистской партии, политического и нравственного перерождения ее верхушки, Троцкий подчеркивал, что любая политическая организация не является единственным «демиургом» исторического процесса. «Овладев государством, партия получает, правда, возможность с недоступной ей ранее силой воздействовать на развитие общества; но зато и сама она подвергается удесятеренному воздействию со стороны всех других его элементов. Прямыми ударами враждебных сил она может быть отброшена от власти. При более затяжных темпах развития она может, удержав власть, внутренне переродиться». Полемизируя как с либералами, так и с левосектантскими догматами, искавшими в «гниении сталинской бюрократии уничтожающий довод против большевизма», Троцкий указывал на непонимание ими диалектики исторического процесса и подчеркивал, что именно большевики и дали конкретный анализ причин перерождения партийной верхушки в СССР.

«Вывод, к которому они пришли, – заключает Троцкий, – гласит: конечно, сталинизм «вырос» из большевизма, но вырос не логически, а диалектически: не в порядке революционного утверждения, а в порядке термидорианского (добавим, и контрреволюционного. – *Сост.*) отрицания. Это совсем не одно и то же». Этот тезис подтверждается не только политической, но и морально-нравственной противоположностью революционного большевизма и сталинизма (работа «Их мораль и наша»).

Значительная часть статей сборника посвящена анализу Троцким природы Советского Союза. Часть работ, вошедших в раздел I, написаны в середине 30-х годов и явились базисом для написания его фундаментального труда «Преданная революция». Другая часть, включенная в раздел V, написана на рубеже 30-х и 40-х годов и связана с вовлечением Советского Союза в орбиту гитлеровской Германии, экспансией в Прибалтику, Польшу и Финляндию, и вновь возникшей дискуссией о природе СССР в рядах единомышленников Троцкого в Социалистической рабочей партии США. Необходимо подчеркнуть, что в течение всей жизни Троцкий, несмотря на непримиримую критику сталинизма, неуклонно защищал социалистические основы СССР в виде плановой экономики и национализированной собственности. Вводя термин «деформированное рабочее государство», он указывал на существенную разницу между

¹ Троцкий Л.Д. Преданная революция, М. 1991. С. 93.

² Роговин В.З. Конец означает начало. М, 2002. С 374—375

СССР (даже при его бюрократическом перерождении) и буржуазным государством. «Пролетарская революция, – писал он, – не только освобождает производительные силы из пут частной собственности, но и передает их в непосредственное распоряжение порожденному ею же государству. В то время как буржуазное государство после революции ограничивается полицейской ролью, предоставляя рынок своим собственным законам, рабочее государство выступает в прямой роли хозяина-организатора... В отличие от капитализма социализм строится не автоматически, а сознательно. Продвижение к социализму неотделимо от государственной власти, которая хочет социализма или вынуждена его хотеть». По аналогии с Великой французской революцией, знавшей периоды подъема, упадка, реставрации монархии и бонапартистской диктатуры, Троцкий вводит понятия «термидор» и «бонапартизм» применительно к периоду упадка русской революции. Сталинская фракция в СССР, по мнению Троцкого, имеет немалое сходство с термидорианской буржуазией Франции, изначально состоявшей из «поправевших якобинцев». Обе вынуждены паразитировать на социально-экономическом базисе революции, лавируя между различными общественными группами, использовать для собственного обогащения режим личной диктатуры.

Рассматривая судьбу СССР в контексте глобальных противоречий капитализма, Троцкий показывал, что межимпериалистические противоречия обуславливают парадоксальное положение бюрократической верхушки в СССР, вынужденной, несмотря на многочисленные уступки капитализму, защищать источник своего паразитирования – национализированную собственность и плановое хозяйство в СССР. «В историческом масштабе, – писал он, – борьба за господство идет не между пролетариатом и бюрократией, а между пролетариатом и мировой буржуазией. Бюрократия только передаточный механизм этой борьбы. Борьба не закончена. Несмотря на все усилия московской клики доказать свою консервативную надежность (контрреволюционная политика Сталина в Испании!), мировой империализм не доверяет Сталину... и готов, при первом благоприятном случае, свергнуть его. Буржуазии, фашистской, как и демократической, мало отдельных контрреволюционных подвигов Сталина, ей нужна законченная контрреволюция в отношении собственности и открытие русского рынка. Пока этого нет, она считает советское государство враждебным ей. И она права».

Но из всего анализа Троцкого вытекает, что, несмотря на такую двойственность кремлевской бюрократии, ее собственные интересы прямо противоположны интересам угнетенных слоев общества в СССР и других странах, в связи с чем борьба бюрократии против революции все более напоминает классовый характер, в том числе на международной арене. Наиболее демонстративно это показано Троцким в статьях, посвященных Испанской революции. Анализируя одним из первых в мире динамику революционного процесса в Испании, Троцкий акцентировал внимание на параллелях между русской и испанской революциями, прежде всего на контрреволюционности национальной буржуазии, ее рабской зависимости от феодальной аристократии, церкви и мирового капитала. Во главу успеха революции в Испании Троцкий ставил самостоятельность пролетарской партии:

«Надо оторваться – резко, решительно, смело – от пуповины буржуазного общественного мнения. Надо оторваться от мелкобуржуазных партий, включая и синдикалистских вождей. Надо продумать положение до конца. Надо спуститься в массы, в самые глубокие и угнетенные низы. Надо неразрывно связать с ними свою судьбу. Надо научить их создавать свои собственные боевые организации – Советы – в противовес буржуазному государству».

Отмечая, что в противоборстве с Франко руководители «Народного фронта» в обмен на московское оружие были вынуждены принять угодные Сталину «правила игры», т. е. «притормозить» революционный радикализм масс и «вести себя корректно» в отношении тогдашних союзников СССР, Франции и Великобритании, Троцкий констатировал: «Иностранные покровители бывали обыкновенно у контрреволюции. Нужно ли напоминать опыт интервенции французских, английских, американских, японских и иных войск против Советов?»

Пролетариат России победил внутреннюю реакцию и иностранных интервентов без военной поддержки извне. Революции побеждают, прежде всего, при помощи смелой социальной программы, которая дает массам возможность овладеть оружием, имеющимся на их территории, и разложить армию врага». Отсутствие политических сил, способных не на словах, а на деле воплотить социальную программу революции и создать «рабоче-крестьянское правительство», обусловило, по мнению Троцкого, трагический конец революции в Испании.

Поражение Испанской революции окончательно убедило Троцкого в необходимости строительства нового – IV Интернационала, стратегия которого будет основана на иных программных принципах, нежели стратегия II и III Интернационалов, а именно, подготовке пролетариата и его авангарда к осуществлению задач социалистической революции в условиях обострения глобальных противоречий капитализма. Задача состоит в том, писал Троцкий, «чтобы преодолеть противоречие между зрелостью объективных условий для революции и незрелостью пролетариата и его авангарда». Новую программу Троцкий назвал «Переходной программой», противопоставляя ее традиционной стратегии «классической социал-демократии», которая в условиях прогрессивного капитализма разделяла свои задачи на «программу-минимум» (реформы в рамках буржуазного общества) и «программу-максимум», «которая обещала в неопределенном будущем замену капитализма социализмом».

Между программой-минимум и программой-максимум, по словам Троцкого, не было никакого моста, так как социал-демократия и не нуждалась в нем, разговаривая о социализме «лишь по большим праздникам». Коминтерн встал на путь социал-демократии в эпоху загнивающего капитализма, когда вообще не может быть речи о систематических социальных реформах. В соответствии с взглядами Троцкого, Четвертый Интернационал не должен отбрасывать требований старой «минимальной» программы, где и поскольку они сохранили хоть часть жизненной силы. «Он неутомимо защищает демократические права рабочих и их социальные завоевания. Но он вводит эту будничную работу в рамки правильной, реальной, т.е. революционной перспективы. Поскольку старые частичные, «минимальные» требования масс сталкиваются с разрушительными и деградирующими тенденциями упадочного капитализма, – а это происходит на каждом шагу, – Четвертый Интернационал выдвигает систему переходных требований, смысл которых состоит в том, что *они все более открыто и решительно направляются против самых основ буржуазного режима*» (курсив наш. – Сост.). Смысл «Переходной программы» излагается в публикуемой работе «Агония капитализма и задачи IV Интернационала».

Статьи Троцкого, посвященные началу II Мировой войны и роли кремлевского руководства в период 1939—1940 годов, практически не были ранее известны в нашей стране³. Вместе с тем, применяя марксистский классовый анализ, Троцкий давал очень точные прогнозы политических событий, связанных с советско-германским пактом о ненападении, с советско-финской войной и ее последствиями. Оппонируя тем аналитикам, которые усматривали в «советско-германском союзе» силу Сталина, Троцкий, напротив, указывал на второстепенность и трусливость кремлевской бюрократической верхушки, вынужденной приспособляться к более сильному противнику. «Отношение к войне у Гитлера и Сталина, в известном смысле прямо противоположное», – писал он. «Тоталитарный режим Гитлера вырос из страха имущих классов Германии перед социалистической революцией. Гитлер получил мандат от собственников, какую угодно ценою спасти их собственность от угрозы большевизма и открыть им выход на мировую арену. Тоталитарный режим Сталина вырос из страха новой касты революционных выскочек перед задушенным ею революционным народом. Война опасна для обоих. Но Гитлер не может разрешить своей исторической миссии иными путями. Победоносная наступательная война должна обеспечить экономическое будущее германского капи-

³ Подробнее см. В.З. Роговин. Конец означает начало. М. 2002

тализма и вместе с тем национал-социалистический режим. Иное дело Сталин. Он не может вести наступательной войны с надеждой на успех. К тому же она не нужна ему. В случае вовлечения СССР в мировую войну, с ее неисчислимыми жертвами и лишениями, все обиды и насилия, вся ложь официальной системы вызовут неизбежно глубокую реакцию со стороны народа, который совершил в этом столетии три революции. Никто не знает этого лучше, чем Сталин. Основная идея его внешней политики: избежать большой войны». Рубежом, который вскрыл перед всем миром внутреннюю слабость кремлевского военно-политического руководства и приблизил начало войны Германии против СССР, Троцкий справедливо считал советско-финскую войну, поставившую Сталина в тупик: «Период относительной устойчивости международных отношений пришел к концу. Начались грозные конвульсии. Близорукий эмпирик, человек аппарата, ... Сталин оказался застигнут врасплох. Большие события ему не по плечу. Темпы нынешней эпохи слишком лихорадочны для его медлительного и неповоротливого ума. Ни у Молотова, ни у Ворошилова он не мог заимствоваться новыми идеями. Также и не у растерянных вождей западных демократий. Единственный политик, который мог импонировать Сталину в этих условиях, был Гитлер. Ессе homo! У Гитлера есть все, что есть у Сталина: презрение к народу, свобода от принципов, честолюбивая воля, тоталитарный аппарат. Но у Гитлера есть и то, чего у Сталина нет: воображение, способность экзальтировать массы, дух дерзания. Под прикрытием Гитлера Сталин попытался применять методы Гитлера во внешней политике. Сперва казалось, что все идет гладко: Польша, Эстония, Латвия, Литва. Но с Финляндией вышла осечка, и совсем не случайно. Финляндская осечка открывает в биографии Сталина главу упадка». Хотя все последние работы Троцкого пронизаны пафосом ожидания революционного подъема масс и падения сталинской бюрократии на исходе межимпериалистической схватки, но, в то же время, Троцкий не исключал и альтернативного варианта развития событий, а именно, внезапного поворота Сталина от Германии к «антигитлеровской коалиции», состоявшей тогда из Великобритании и Франции. Более того, Троцкий дал абсолютно оправдавшийся прогноз, что возможный «союз СССР с империалистскими демократиями – в условиях отказа международного пролетариата от самостоятельной политики – означал бы рост всемогущества московской бюрократии, дальнейшее ее превращение в агентуру империализма и неизбежные уступки ее империализму в экономической области». Именно этот прогноз был реализован в ходе Второй мировой войны и во все послевоенные годы.

Понимая, что германский империализм, возглавляемый Гитлером, ведет войну не только за европейское, но и мировое господство, и что Гитлер воплощает не просто империалистические устремления господствующих классов своей страны, но и «самое варварское выражение империализма, ведущее цивилизацию к гибели», Троцкий утверждал, что гитлеровский нацизм, несмотря на колоссальную военно-техническую мощь, успехи «блицкрига» и солидарность кремлевской верхушки, обеспечившей Германии в 1940 году стратегический тыл, не продержится и десятилетия. Он будет низвергнут только вследствие нарастающего сопротивления оккупированных народов. Сразу после капитуляции Франции в статье «Что же дальше?» он констатировал: «Мы не меняем курса... В побежденных странах положение народных масс сразу чрезвычайно ухудшится. К социальному гнету присоединяется национальный, который главной своей тяжестью также ляжет на рабочих. Тоталитарная диктатура чужеземного завоевателя есть самая невыносимая из всех форм диктатуры... Невозможно к каждому польскому, норвежскому, датскому, голландскому, балтийскому, французскому рабочему и крестьянину приставить по солдату с ружьем. У национал-социализма нет никаких рецептов, чтобы превратить покоренные им народы из врагов в друзей».

Все включенные в сборник статьи были изданы в печатном органе Международнойлевой оппозиции «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», который издавался сторонниками Л.Д. Троцкого с 1929 по 1941 год первоначально в Берлине, затем в Париже, затем, с началом II Мировой войны – в Нью-Йорке. Мы надеемся, что эти, впервые представленные

широкому кругу в России, тексты Троцкого, будут иметь не только историческую ценность, но и политическое руководство для выработки сознательной социалистической, интернационалистской позиции и для действия, способного избавить мир от империализма и власти капитала.

Марк Васильев, Илья Будрайтскис

I

РАБОЧЕЕ ГОСУДАРСТВО, ТЕРМИДОР И БОНАПАРТИЗМ

О ТЕРМИДОРИАНСТВЕ И БОНАПАРТИЗМЕ

С историческими аналогиями надо обращаться умеючи, иначе они легко превращаются в метафизические абстракции и не помогают ориентировке, а наоборот, сбивают с пути.

Некоторые товарищи из рядов иностранной оппозиции усматривают противоречие в том, что мы говорим то о **термидорианских** тенденциях и силах в СССР, то о **бонапартистских** чертах режима ВКП, и даже делают отсюда вывод о пересмотре нами основной оценки советского государства. Это ошибка. Проистекает она из того, что означенные товарищи понимают исторические термины (термидорианство, бонапартизм) как абстрактные категории, а не как живые, т.е. противоречивые процессы.

В СССР разворачивается успешное социалистическое строительство. Но процесс этот происходит крайне противоречиво: и благодаря капиталистическому окружению, и благодаря противодействию внутренних антипролетарских сил, и благодаря неправильной политике руководства, поддающегося под влияние враждебных сил.

Могут ли, вообще говоря, противоречия социалистического строительства достигнуть такого напряжения, при котором они должны взорвать основы социалистического строительства, заложенные Октябрьской революцией и укрепленные дальнейшими хозяйственными успехами, в частности успехами пятилетки? Могут.

Что пришло бы в таком случае на смену нынешнему советскому обществу, взятому в его целом (экономика, классы, государство, партия)?

Нынешний режим, переходный от капитализма к социализму, мог бы в указанном выше случае уступить свое место только капитализму. Это был бы капитализм особого типа: по существу колониальный, с компрадорской буржуазией, капитализм, насыщенный противоречиями, исключающими возможность его прогрессивного развития. Ибо все те противоречия, которые, согласно нашей гипотезе, могли бы привести ко взрыву советского режима, немедленно перевоплотились бы во внутренние противоречия капиталистического режима и приобрели бы вскоре еще большую остроту. Это значит, что в капиталистической контрреволюции была бы заложена новая Октябрьская революция.

Государство есть надстройка. Рассматривать его независимо от характера производственных отношений и от форм собственности (как поступает, например, Урбанс⁴ по отношению к советскому государству) значит покидать почву марксизма. Но государство, как и партия, не есть пассивная надстройка. Под действием толчков, исходящих из классовой базы общества, в государственной и партийной надстройке происходят новые процессы, которые имеют

⁴ Имеется в виду Гуго Урбанс, в тот момент (и до 1933 г.) – лидер «Ленинбунда», небольшой немецкой левокоммунистической группы (первоначально – пропятакской и прозиновьевской, возглавлявшейся Р. Фишер и А. Масловым). Неоднократные попытки троцкистов и «Ленин-бунда» прийти к политическому и идеологическому согласию успехом не увенчались. «Ленинбунд» просуществовал до момента прихода Гитлера к власти. Г. Урбанс (1890—1946) – видный деятель социал-демократического и коммунистического движения Германии. В 1917—1920 гг. – член Независимой социал-демократической партии, в 1920 г. вступил в КПГ. Руководитель Гамбургской парторганизации, один из лидеров Гамбургского восстания 1923 г. В октябре 1925 г. подверг резкой критике руководство КПГ слева. В 1926 г. исключен из КПГ за «троцкизм». Окончательно разошелся во взглядах с Троцким в 1929 г. по вопросу о природе советского государства. В феврале 1930 г. по требованию Урбанса сторонники Троцкого были исключены из «Ленинбунда» и вскоре организовали Объединенную Коммунистическую партию Германии (ОКПГ). В 1933 г. Урбанс эмигрировал в Швецию, где и умер. – *Примеч. науч. ред.*

– в известных пределах – самостоятельный характер и которые, сомкнувшись с процессами в самой экономической базе, могут получить решающее значение для классовой природы всего режима, повернув надолго развитие в ту или другую сторону.

Было бы худшим видом доктринерства, вывороченным наизнанку «урбансизмом», считать, что факт национализации промышленности, дополненный фактом высоких темпов развития, сам по себе обеспечивает непрерывное развитие к социализму, независимо от процессов в партии и в государстве. Рассуждать так значит не понимать функции партии, ее двойной и тройной функции, в **единственной** стране пролетарской диктатуры, притом в стране экономически **отсталой**. Если допустить на минуту, что хозяйственники, с одной стороны, руководящий слой рабочих, с другой – вырываются совершенно из-под партийной дисциплины, которая сливается с государственной, то путь к социализму окажется забаррикадирован: национализованная промышленность начнет дифференцироваться на борющиеся группы, конфликты между администрацией, трестом и рабочими начнут принимать открытый характер, тресты будут приобретать все большую самостоятельность, плановое начало естественно при этом будет сходить на нет, увлекая за собою монополию внешней торговли. Все эти процессы, ведущие к капитализму, означали бы неизбежно крушение диктатуры пролетариата. Грозит ли нынешний партийный режим, несмотря на экономические успехи, распадом партийной связи и дисциплины? Безусловно. Недоценивать опасность перерождения партийных и государственных тканей на базе экономических успехов было бы преступно. Партия как партия уже и сегодня не существует. Ее задушил центристский аппарат. Но существует левая оппозиция, которой центристский аппарат боится как огня и под кнутом которой совершает свои зигзаги. Уже это соотношение между левой оппозицией и центристским аппаратом является суррогатом партии и держит в узде правых. Даже при полном и открытом разрыве официальных партийных связей партия не исчезнет. Не потому, что есть аппарат: он первый станет жертвой своих преступлений, – а потому, что есть левая оппозиция. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

Но мы рассуждаем сейчас не о том, как и какими путями оппозиция может выполнить свою основную задачу: помочь пролетарскому авангарду оградить социалистическое развитие от контрреволюции. Мы гипотетически исходим из того, что это не удалось, чтоб конкретнее представить себе исторические последствия такой неудачи.

Крушение диктатуры пролетариата, как уже сказано, не могло бы означать ничего, кроме реставрации капитализма. Но в каких политических формах происходила бы эта реставрация, как эти формы чередовались бы и как они комбинировались бы – это вопрос самостоятельный и очень сложный.

Разумеется, только слепцы могут думать, что возрождение компрадорского капитализма совместимо с «демократией». Для зрячего ясно, что демократическая контрреволюция совершенно исключена. Конкретный же вопрос о возможных политических формах контрреволюции допускает только условный ответ.

Когда оппозиция говорила о термидорианской опасности, она имела в виду прежде всего очень важный и значительный процесс в партии: рост слоя отделившихся от массы, обеспеченных, связавшихся с непролетарскими кругами и довольных своим социальным положением большевиков, аналогичных слою разжиревших якобинцев, которые стали отчасти опорой, а главным образом исполнительным аппаратом термидорианского переворота 1794 года, проложив тем самым дорогу бонапартизму. Анализируя процессы термидорианского перерождения внутри партии, оппозиция вовсе этим не говорила, что контрреволюционный переворот, если б он произошел, должен был бы непременно принять форму термидора, т.е. более или менее длительного господства обуржуазившихся большевиков с формальным сохранением советской системы – подобно тому, как термидорианцы сохраняли конвент. История никогда не повторяется, особенно же при таком глубоком различии классовых основ.

Французский термидор был заложен в противоречиях якобинского режима. Но в этих же противоречиях был заложен и бонапартизм, т.е. режим военно-бюрократической диктатуры, которую буржуазия терпела над собою, чтоб тем вернее прибрать, под ее прикрытием, к рукам господство над обществом. В якобинской диктатуре заключены уже все элементы бонапартизма, хотя бы и находим их там в неразвернутом виде, притом в борьбе с санкюлотскими элементами режима. Термидор стал необходимым подготовительным этапом к бонапартизму, и только. Не случайно же Бонапарт из якобинской бюрократии создал бюрократию империи.

Открывая в нынешнем сталинском режиме элементы термидора и элементы бонапартизма, мы вовсе не впадаем в противоречие, как думают те, для кого термидорианство и бонапартизм представляют собою абстракции, а не живые тенденции, перерастающие одна в другую.

Какую государственную форму принял бы контрреволюционный переворот в России, если б он удался (а это совсем-совсем не так просто), это зависит от сочетания ряда конкретных факторов, прежде всего от того, какой остроты достигли бы к тому времени экономические противоречия, каково было бы соотношение капиталистических и социалистических тенденций хозяйства; далее – от соотношения между пролетарскими большевиками и буржуазными «большевиками», от группировки сил внутри армии, наконец, от удельного веса и характера иностранной интервенции. Во всяком случае, было бы чистейшей несообразностью думать, будто контрреволюционный режим должен непременно проходить через стадии директории, консулата и империи, чтоб завершиться реставрацией царизма. Но каков бы ни был контрреволюционный режим, в нем во всяком случае найдут свое место элементы термидорианства и бонапартизма, т.е. большую или меньшую роль будет играть большевистско-советская бюрократия, гражданская и военная, и в то же время самый режим будет диктатурой сабли над обществом в интересах буржуазии против народа. Вот почему так важно следить сейчас за тем, как эти элементы и тенденции формируются в недрах официальной партии, которая во всех случаях остается **лабораторией будущего**, т.е. и в случае непрерывного социалистического развития, и в случае контрреволюционного прорыва.

Значит ли все сказанное, что сталинский режим мы отождествляем с режимом Робеспьера? Нет, мы так же далеки от вульгарных аналогий в отношении настоящего, как и в отношении вероятного или возможного будущего. Под углом зрения интересующего нас вопроса суть политики Робеспьера состояла во все более обострявшейся борьбе его на два фронта: против санкюлотов, т.е. неимущих, как и против «гнилых», «развращенных», т.е. якобинской буржуазии. Робеспьер вел политику мелкого буржуа, пытающегося возвести себя в абсолют. Отсюда борьба направо и налево. Пролетарский революционер тоже может оказаться вынужден вести борьбу на два фронта, но только **эпизодически**. Основная его борьба есть борьба против буржуазии: класс против класса. Мелкобуржуазные же революционеры, даже в эпоху своей исторической кульминации, вынуждены были всегда и неизменно вести борьбу на два фронта. Это и приводило к постепенному удушению якобинской партии, к умерщвлению якобинских клубов, к бюрократизации революционного террора, т.е. к самоизоляции Робеспьера, которая позволила так легко снять его блок правых и левых его противников.

Черты сходства со сталинским режимом здесь бросаются в глаза. Но различия глубже, чем сходство. Историческая заслуга Робеспьера состояла в беспощадной чистке общества от феодального хлама; но пред лицом будущего общества Робеспьер был бессилен. Пролетариата как класса не существовало, социализм мог иметь лишь утопический характер. Единственно реальной перспективой была перспектива буржуазного развития. Падение якобинского режима было неизбежно.

Тогдашние левые, опиравшиеся на санкюлотов, неимущих, плебс – очень неустойчивая опора! – не могли иметь самостоятельного пути. Этим и был предопределен их блок с правыми, как в конце концов и сторонники Робеспьера в большинстве своем поддержали в дальнейшем

правых. В этом политически и выразилась победа буржуазного развития над утопическими претензиями мелкой буржуазии и революционными спазмами плебса.

Незачем говорить, что Сталин не имеет никаких оснований претендовать на заслуги Робеспьера: очистка России от феодального хлама и разгром реставраторских попыток были полностью завершены в ленинский период. Сталинизм вырос путем разрыва с ленинизмом. Но этот разрыв никогда не был окончательным, не является таковым и сейчас. Сталин ведет не эпизодическую, а перманентную, систематическую, органическую борьбу на два фронта. Это коренная черта мелкобуржуазной политики. Справа от Сталина – бессознательные и сознательные капиталистические реставраторы разных степеней. Слева – пролетарская оппозиция. Это расчленение проверено в огне мировых событий. Удушение партии аппаратом вызывается не необходимостью борьбы с буржуазной реставрацией – наоборот, эта борьба требует величайшей активности и самостоятельности партии, – а борьбой против левой; точнее сказать, необходимостью для аппарата обеспечить за собой свободу постоянного маневрирования между правыми и левыми. Здесь сходство с Робеспьером. Здесь та почва, которой питались бонапартистские черты робеспьеровского режима, приведшие к его гибели. Но у Робеспьера не было выбора. Зигзаги Робеспьера означали судороги якобинского режима.

Мыслима ли сейчас или немостима в СССР последовательная революционная политика – на пролетарской основе, которой не было у Робеспьера? И если мыслима, то можно ли рассчитывать на то, что эта политика будет достаточно рано поддержана революцией в других странах? От ответов на эти два вопроса зависит перспективная оценка борьбы враждебных тенденций как в экономике, так и в политике Советского Союза. На оба эти вопроса мы, большевики-ленинцы, отвечаем утвердительно и будем отвечать утвердительно – до тех пор, пока история фактами, событиями, т.е. через беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть, не докажет нам противного.

Так и только так может стоять проблема для революционеров, которые чувствуют себя живой силой процесса в отличие от доктринеров, которые наблюдают процесс со стороны и разлагают его на безжизненные категории.

К этому вопросу мы, в другой связи, рассчитываем вернуться в ближайшем номере Бюллетеня. Здесь мы хотели только рассеять наиболее грубые и опасные недоразумения.левой оппозиции во всяком случае незачем пересматривать свои основы, пока пересмотр их не поставлен в порядок дня большими историческими событиями.

26 ноября 1930 г.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев), № 17—18

ПРОТИВ НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМА (Уроки «красного» референдума⁵)

Когда эти строки дойдут до читателя, они в той или другой части окажутся, может быть, устаревшими. Усилиями сталинского аппарата, при дружественном содействии всех буржуазных правительств, автор этих строк поставлен в такие условия, при которых он может реагировать на политические события не иначе как с запозданием на несколько недель. К этому надо еще прибавить, что автор вынужден опираться на далеко не полную информацию. Читатель должен это иметь в виду. Но и из крайне невыгодной обстановки надо попытаться извлечь хоть некоторое преимущество. Не имея возможности реагировать на события изо дня в день, во всей их конкретности, автор вынужден сосредоточивать свое внимание на основных пунктах и узловых вопросах. В этом оправдание настоящей работы.

Как все опрокидывается на голову

Ошибки германской компартии в вопросе о плебисците принадлежат к числу тех, которые будут становиться, чем дальше, тем яснее, и в конце концов войдут в учебники революционной стратегии как образец того, чего не надо делать.

В поведении Центрального комитета КПП все ошибочно: неправильно оценена обстановка, неправильно поставлена ближайшая цель, неправильно выбраны средства для ее достижения. Попутно руководство партии умудрилось опрокинуть все те «принципы», которые оно проповедовало в течение последних лет.

21 июля ЦК обратился к прусскому правительству с требованием демократических и социальных уступок, угрожая в противном случае выступить за референдум. Выдвигая свои требования, сталинская бюрократия фактически обращалась к верхушке социал-демократической партии с предложением на известных условиях единого фронта⁶ против фашистов. Когда

⁵ Речь идет о референдуме 1931 г. по вопросу о роспуске прусского ландтага (земельного парламента), в котором социал-демократы имели большинство. Референдум был инициирован блоком крайне правых сил: Немецкой национальной народной партией, Немецкой народной партией, НСДАП и рядом других, более мелких. КПП первоначально отвергла референдум как «происки фашистов», но затем по требованию Сталина (лидеров КПП для этого даже вызывали в Москву на «проработку») изменила позицию. Чтобы оправдать резкую перемену курса, КПП предъявила социал-демократическому правительству Пруссии ультиматум: либо будет предоставлена полная свобода прессы, свобода собраний рабочих, отменены «чрезвычайные законы», отменен запрет Союза красных фронтовиков, отменены постановления о сокращения поддержки малоимущих (и, в частности, безработных) – либо КПП поддержит референдум. Социал-демократы отвергли ультиматум. После этого КПП поддержала плебисцит, объявив его «красным референдумом». И хотя на референдуме победили социал-демократы, после этих событий никакое соглашение КПП с СДПГ стало невозможным. – *Примеч. науч. ред.*

⁶ «Единый фронт» – основная тактическая установка Коминтерна в 1921—1927 гг. Первоначально возникла как тактика «единого рабочего фронта» – в 1921 г., в условиях наступления капитала на права рабочих. Тактика предполагала создание фронта совместных действий против капитала всеми международными объединениями рабочих и социалистических организаций. Инициатором выступила КПП, обратившаяся с соответствующими предложениями к социал-демократам и профсоюзам. 2—5 апреля 1922 г. в Берлине состоялась конференция представителей исполкомов II, II ½ и III Интернационалов, которые (за счет уступок со стороны Коминтерна) договорились о совместных действиях. Однако уже в конце мая 1922 г. между II и II ½ Интернационалами с одной стороны и Коминтерном с другой возникли непреодолимые противоречия. В этих условиях IV конгресс Коминтерна (ноябрь 1922 г.) выдвинул лозунг «рабочего правительства» (т.е. коалиционного правительства рабочих, социалистических партий). На IV конгрессе Коминтерна была также выдвинута тактика «единого антиимпериалистического фронта» – т.е. объединения коммунистических партий колониальных и полуколониальных стран с несоциалистическими национально-освободительными движениями. Тактика «единого фронта» была принята не всеми компартиями. Компартии Италии, Франции, Испании опасались, что более сильные, старые и опытные соцпартии просто поглотят в «единых фронтах» молодые и слабые компартии. Итальянские коммунисты были согласны на «единый фронт» только в профсоюзах. Компартия Индонезии саботировала установку на «единый фронт» с буржуазными национально-освободительными организациями. Чтобы навязать всем компартиям тактику «единого фронта», Коминтерн во второй половине 20-х гг. шел на принудительную смену руководства мятежных партий. В 1927—1928 гг. под воздействием неудач на переговорах с руковод-

социал-демократия отвергла предложенные ей условия, сталинцы создали единый фронт с фашистами против социал-демократии. Значит, политика единого фронта ведется не только «снизу», но и «сверху». Значит, Тельману разрешается обращаться к Брауну и Зеверингу⁷ с «открытым письмом» о совместной защите демократии и социального законодательства от банд Гитлера. Так эти люди, даже не замечая того, что делают, ниспровергли свою метафизику единого фронта «только снизу» посредством самого нелепого и самого скандального опыта единого фронта только сверху, неожиданно для масс и против воли масс.

Если социал-демократия представляет только разновидность фашизма, то как же можно официально предъявлять социал-фашистам требование о совместной защите демократии? Став на путь референдума, партийная бюрократия никаких условий национал-социалистам не поставила. Почему? Если социал-демократы и национал-социалисты – только оттенки фашизма, то почему можно ставить условия социал-демократии и почему нельзя их ставить национал-социалистам? Или же между этими двумя «разновидностями» существуют какие-то очень важные качественные различия в отношении социальной базы и методов обмана масс? Но тогда не называйте тех и других фашистами, ибо названия в политике служат для того, чтоб различать, а не для того, чтоб все валить в одну кучу.

Верно ли, однако, что Тельман вступил в единый фронт с Гитлером? Коммунистическая бюрократия назвала референдум Тельмана «красным», в отличие от черного или коричневого плебисцита Гитлера. Что дело идет о двух смертельно враждебных партиях, стоит, разумеется, вне сомнений, и вся ложь социал-демократии не заставит рабочих забыть это. Но факт остается фактом: в известной кампании сталинская бюрократия вовлекла революционных рабочих в единый фронт с национал-социалистами против социал-демократии. Если б, по крайней мере, в бюллетенях можно было отмечать свою партийную принадлежность, то референдум имел бы хоть то оправдание (в данном случае политически совершенно недостаточное), что позволил бы подсчитать свои силы и тем самым отделить их от сил фашизма. Но немецкая «демократия» не позаботилась в свое время обеспечить за участниками референдума право отмечать свою партийность. Все голосующие сливаются в одну нерасчленимую массу, которая на определенный вопрос дает один и тот же ответ. В рамках этого вопроса единство фронта с фашистами есть несомненный факт.

Так с ночи на утро все оказалось опрокинуто на голову.

«Единый фронт, но с кем?»

Какую политическую цель преследовало своим поворотом правление компартии? Чем больше читаешь официальные документы и речи вождей, тем меньше понимаешь эту цель. Прусское правительство, говорят нам, прокладывает дорогу фашистам. Это совершенно правильно. Имперское правительство Брюнинга⁸, прибавляют вожди компартии, фактически

ством социалистических и социал-демократических партий Коминтерн перешел к новой тактической установке «класс против класса», которая предполагала работу по созданию «единого фронта» «снизу», т.е. с рядовыми рабочими – социалистами и социал-демократами. Руководство социал-демократов было заклеено как «социал-фашистское». В новом виде тактика «единого фронта» возродилась в 1934 г. в форме Народных фронтов. – *Примеч. науч. ред.*

⁷ Отто Браун (1872—1955) и Карл Зеверинг (1875—1952) – соответственно премьер-министр и министр внутренних дел социал-демократического правительства Пруссии. К. Зеверинг считался более важной фигурой, так как в руках у него была вооруженная сила – подконтрольная СДПГ прусская полиция и рейхсбаннер (военизированные отряды СДПГ – около 2 млн. человек в Пруссии в 1932 г.). 20 июля 1932 г. Зеверинг печально прославился тем, что безропотно позволил рейхсканцлеру фон Паппену разогнать социал-демократическое правительство Пруссии. В ответ на улицы вышли рейхсбаннер, члены СДПГ и КПГ, поддержанные полицией. Они призвали к всеобщей политической стачке и потребовали раздать оружие. Зеверинг отказался. Нацисты оценили эти действия Зеверинга, и в годы III Рейха он проживал в Германии, получая государственную пенсию министра. – *Примеч. науч. ред.*

⁸ Брюнинг Генрих (1885—1970) – германский рейхсканцлер в 1930—1932 гг., до того – лидер правокатолической партии Центра в рейхстаге. Сделал первые шаги по сдвиганию Германии к диктатуре, широко применяя «чрезвычайные статьи»

фашизирует республику и совершило уже большую работу на этом пути. Совершенно правильно, отвечаем мы на это. Но ведь без прусского Брауна имперский Брюнинг держаться не может! – говорят сталинцы. И это верно, отвечаем мы. До этого пункта получается полное согласие. Но какие же отсюда вытекают политические выводы? У нас нет ни малейшего основания поддерживать правительство Брауна, брать за него хоть тень ответственности перед массами или хоть на йоту ослаблять нашу политическую борьбу против правительства Брюнинга и его прусской агентуры. Но еще меньше у нас основания помогать фашистам заменить правительство Брюнинга—Брауна. Ибо если мы вполне основательно обвиняем социал-демократию в том, что она прокладывает дорогу фашизму, то наша собственная задача меньше всего может состоять в том, чтобы сократить фашизму эту дорогу.

Циркулярное письмо Центрального комитета Германской коммунистической партии всем ячейкам от 27 июля особенно безжалостно обнажает несостоятельность руководства, ибо является продуктом коллективной разработки вопроса. Суть письма, освобожденная от путаницы и противоречий, сводится к тому, что нет, в конце концов, никакой разницы между социал-демократами и фашистами, т.е. нет разницы между врагом, который обманывает рабочих и предает их, пользуясь их долготерпением, и врагом, который попросту хочет зарезать их. Чувствуя бессмыслицу такого отождествления, авторы циркулярного письма неожиданно делают поворот и изображают красный референдум как «решительное применение политики единого фронта снизу (!) по отношению к социал-демократическим, христианским и беспартийным рабочим». Каким образом выступление в плебисците рядом с фашистами, против социал-демократии и партии центра, является применением политики единого фронта по отношению к социал-демократическим и христианским рабочим, этого не поймет никакая пролетарская голова. Речь идет, очевидно, о тех с.-д. рабочих, которые, оторвавшись от своей партии, приняли участие в референдуме. Сколько их? Под политикой единого фронта следовало бы, во всяком случае, понимать совместное выступление не с теми рабочими, которые ушли из социал-демократии, а с теми, которые остаются в ее рядах. К несчастью, их еще очень много.

Вопрос о соотношении сил

Единственная фраза в речи Тельмана 24 июля, которая похожа на серьезное обоснование поворота, гласит так:

«Красный референдум, путем использования возможностей легального, парламентского массового действия, представляет собою шаг вперед в сторону внепарламентской мобилизации масс». Если эти слова имеют какой-нибудь смысл, то лишь следующий: мы берем за точку исхода нашего генерального революционного наступления парламентское голосование, чтоб легальным путем опрокинуть правительство социал-демократии и связанных с ней партий золотой середины и чтобы затем, напором революционных масс, опрокинуть фашизм, пытающийся стать наследником социал-демократии. Другими словами: прусский референдум играет лишь роль трамплина для революционного скачка. Да, в качестве трамплина плебисцит был бы оправдан полностью. Голосуют ли рядом с коммунистами фашисты или нет, это теряло бы всякое значение с того момента, как пролетариат своим натиском опрокидывает фашистов и берет в свои руки власть. Для трамплина можно воспользоваться всякой доской, в том числе и доской референдума. **Нужно только иметь возможность действительно совершить прыжок**, не на словах, а на деле. Проблема сводится, следовательно, к соотношению сил. Выйти на улицу с лозунгом «долой правительство Брюнинга – Брауна», если, по соотношению сил, на смену ему может прийти лишь правительство Гитлера—Гугенберга, есть чистейший

авантюризм. Тот же лозунг получает, однако, совсем другой смысл, если становится вступлением к непосредственной борьбе самого пролетариата за власть. В первом случае коммунисты оказались бы в глазах массы помощниками реакции; во втором же случае вопрос о том, как голосовали фашисты, прежде чем были раздавлены пролетариатом, потерял бы всякое политическое значение.

Вопрос о совпадении голосований с фашистами мы рассматриваем, следовательно, не с точки зрения какого-либо абстрактного принципа, а с точки зрения реальной борьбы классов за власть и соотношения сил на данной стадии этой борьбы.

Оглянемся на русский опыт

Можно считать неоспоримым, что в момент пролетарского восстания различие между социал-демократической бюрократией и фашистами действительно сведется к минимуму, если не к нулю. В октябрьские дни русские меньшевики и эсеры боролись против пролетариата рука об руку с кадетами, корниловцами, монархистами. Большевики вышли в октябре из Предпарламента на улицу, чтобы звать массы на вооруженное восстание. Если бы одновременно с большевиками из Предпарламента выступила в те дни, скажем, какая-либо группа монархистов, то никакого политического значения это не имело бы, ибо монархисты были опрокинуты заодно с демократами.

К октябрьскому восстанию партия пришла, однако, через ряд ступеней. Во время апрельской демонстрации 1917 года часть большевиков выбросила лозунг «Долой Временное правительство!». Центральный комитет немедленно же одернул ультралевых. Конечно, мы должны пропагандировать необходимость низвергнуть Временное правительство; но звать под этим лозунгом массы на улицу мы не можем еще, ибо сами мы в рабочем классе в меньшинстве. Если, при этих условиях, мы свергнем Временное правительство, то заменить его мы не сможем и, следовательно, поможем контрреволюции. Надо терпеливо разъяснять массам антинародный характер этого правительства, прежде чем придет час свергнуть его. Такова была позиция партии.

В течение следующего периода лозунг партии гласил: «Долой министров-капиталистов!». Это было обращенное к социал-демократии требование разорвать коалицию с буржуазией. В июле мы руководили демонстрацией рабочих и солдат под лозунгом «Вся власть советам!», что означало в тот момент: вся власть меньшевикам и эсерам. Большевики и эсеры вместе с белогвардейцами разгромили нас.

Через два месяца Корнилов восстал против Временного правительства. В борьбе с Корниловым большевики сейчас же заняли передовые позиции. Ленин находился в это время в подполье. Тысячи большевиков сидели в тюрьмах. Рабочие, солдаты и матросы требовали освобождения своих вождей и большевиков вообще. Временное правительство не соглашалось. Не должен ли был Центральный комитет большевиков обратиться к правительству Керенского с ультиматумом: немедленно освободить большевиков и снять с них подлое обвинение в службе Гогенцоллернам, – и, в случае отказа Керенского, отказаться бороться против Корнилова? Так поступил бы, вероятно, Центральный комитет Тельмана – Ремеле – Ноймана⁹. Но не так посту-

⁹ Ремеле Герман (1886—1939) – видный деятель социал-демократического и коммунистического движения, до I Мировой войны – член СДПГ, в 1917—1920 гг. – член Независимой социал-демократической партии, в 1920 г. вступил в КПП. С 1921 г. член ЦК, в 1923—1933 гг. – член Политбюро, в 1924—1925 гг. – председатель компартии. В 1924—1933 гг. – член Президиума Исполкома Коминтерна. Выдающийся партийный публицист, «человек № 3» в КПП в 1930—1932 гг. После «красного референдума» разошелся с линией Сталина в отношении НСДАП и совместно с Г. Нойманом, не вступая в полемику с Москвой, тайно проводил линию на антифашистскую борьбу («Бейте фашистов везде, где их встретите!»). После прихода Гитлера к власти ушел в подполье и вскоре эмигрировал в СССР. В начале 1933 г. выведен из руководства КПП за «левый уклон» как один из руководителей «сектантско-оппортунистической группы Ноймана – Ремеле», в 1934 г. публично показан и был назначен заведующим сектором в Отделе пропаганды и массовых организаций Коминтерна. Ре-меле принадлежит

пил Центральный комитет большевиков. Ленин писал тогда: «Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из «мести» эсерам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих «отказаться» поддерживать их против контрреволюции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо для пользы дела пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых – и это главное, – мещанской попыткой затемнить посредством «морализирования» политическую суть дела».

Если б мы не дали в августе отпора Корнилову и тем облегчили бы ему победу, то он первым делом истребил бы цвет рабочего класса и, следовательно, помешал бы нам одержать через два месяца победу над соглашателями и покарать их – не на словах, а на деле – за их исторические преступления.

Именно «мещанским морализированьем» занимаются Тельман и К°, когда в обоснование своего собственного поворота начинают перечислять бесчисленные гнусности, совершенные вождями социал-демократии!

С потушенными фонарями

Исторические аналогии суть только аналогии. О тождественности условий и задач не может быть и речи. Но на условном языке аналогий мы можем спросить: стоял ли в Германии в момент референдума вопрос об обороне от корниловщины или, действительно, о низвержении всего буржуазного строя пролетариатом? Этот вопрос решается не голыми принципами, не полемическими формулами, а соотношением сил. С какой тщательностью и добросовестностью большевики изучали, подсчитывали и измеряли соотношение сил на каждом новом этапе революции! Попыталось ли руководство германской компартии, вступая в борьбу, подвести предварительный баланс борющихся сил? Ни в статьях, ни в речах мы такого баланса не находим. Подобно своему учителю Сталину, берлинские ученики ведут политику с потушенными фонарями.

Свои соображения по решающему вопросу о соотношении сил Тельман свел к двум-трем общим фразам. «Мы не живем более в 1923 году, – говорил он в своем докладе. – Коммунистическая партия есть ныне партия многих миллионов, которая бешено растет». И это все! Тельман не мог ярче показать, в какой мере ему чуждо понимание различия обстановки 1923 и 1931 годов! **Тогда** социал-демократия разваливалась по кускам. Рабочие, не успевшие покинуть ряды социал-демократии, поворачивали с надеждой взоры в сторону коммунистической партии. **Тогда** фашизм представлял собою в гораздо большей степени чучело на огороде буржуазии, чем серьезную политическую реальность. Влияние коммунистической партии на

«коминтерновское» определение фашизма, приписываемое Г. Димитрову. В 1937 г. арестован, в 1939 г. расстрелян по обвинению в создании «контрреволюционной террористической организации». Реабилитирован в 1988 г. Нойман Гейнц (1902—1937) – видный деятель социал-демократического и коммунистического движения. В 1921 г. перешел от социал-демократов к коммунистам, с 1922 г. – редактор (с 1929 г. – главный редактор) «Роте фане». С 1925 г. – член ЦК КПГ, представитель КПГ в Исполкоме Коминтерна. С 1927 г. – член Политбюро КПГ, в 1930—1932 гг. – «человек № 2» в партии, спичрайтер Э. Тельмана. Один из руководителей (по линии Коминтерна) Кантонского восстания 1927 г. (см. примеч. на стр.). Организатор успешной предвыборной кампании КПГ в октябре 1930 г. Нойману приписывается авторство стратегического лозунга «Бейте фашистов везде, где их встретите!». В 1930—1932 гг. – депутат рейхстага. В 1931 г., разойдясь с установкой Сталина на создание «единого фронта снизу» с «пролетарскими элементами» НСДАП, создал тайную группу в руководстве КПГ («группа Ноймана – Ремеле»), саботировал линию Кремля и вел дело к обострению антифашистской борьбы. По некоторым данным, планировал антисталинский «дворцовый переворот» в КПГ. В 1932 г. «сектантская группа Ноймана – Ремеле» была «вскрыта и обезврежена», в начале 1933 г. члены группы выведены из руководства КПГ, на нее была возложена ответственность за приход Гитлера к власти. В 1933 г. Нойман отправлен нелегальным представителем Коминтерна в революционную Испанию. В 1934 г. Нойман покаялся, в 1935 г. был направлен в группу Коминтерна по подготовке восстания в Бразилии, но вскоре отозван. В 1937 г. арестован и расстрелян. – *Примеч. науч. ред.*

профессиональные союзы и заводские комитеты было в 1923 году несравненно значительнее, чем сейчас. Заводские комитеты выполняли тогда фактически основные функции советов. Под социал-демократической бюрократией в профсоюзах почва с каждым днем уходила из-под ног.

Тот факт, что обстановка 1923 года не была использована оппортунистическим руководством Коминтерна и ГКП, живет до сих пор в сознании классов и партий и во взаимоотношениях между ними. Коммунистическая партия, говорит Тельман, есть партия миллионов. Мы этому радуемся, мы этим гордимся. Но мы не забываем, что и социал-демократия остается еще партией миллионов. Мы не забываем, что, благодаря ужасающей цепи эпигонских ошибок 1923—1931 годов, нынешняя социал-демократия обнаруживает гораздо большую силу сопротивления, чем социал-демократия 1923 года. Мы не забываем, что нынешний фашизм, вскормленный и взращенный изменами социал-демократии и ошибками сталинской бюрократии, представляет собою огромное препятствие на пути к завоеванию власти пролетариатом. Компартия есть партия миллионов. Но благодаря предшествующей стратегии «третьего периода»¹⁰, периода концентрированной бюрократической глупости, коммунистическая партия сегодня все еще крайне слаба в профессиональных союзах и в завкомах. Борьбу за власть нельзя вести, опираясь лишь на голоса референдума. Нужно иметь опору в заводах и цехах, в профессиональных союзах и завкомах. Обо всем этом забывает Тельман, который анализ обстановки заменяет крепкими словами.

Утверждать, будто в июле-августе 1931 года германская компартия была так могущественна, что могла вступить в открытую борьбу с буржуазным обществом в лице обоих его флангов, социал-демократии и фашизма, мог бы только человек, свалившийся с луны. Партийная бюрократия сама этого не думает. Если она прибегает к такому доводу, то только потому, что плебисцит провалился и, следовательно, она не оказалась подвергнута дальнейшему экзамену. В этой безответственности, в этой слепоте, в этой безразборчивой погоне за эффектами и находит свое выражение авантюристская половина души сталинского централизма!

«Народная революция» вместо пролетарской революции

Столь «внезапный», на первый взгляд, зигзаг 21 июля вовсе не упал, как гром с ясного неба, а был подготовлен всем курсом последнего периода. Что германская компартия руководится искренним и горячим стремлением победить фашистов, вырвать из-под их влияния массы, опрокинуть фашизм и раздавить его, в этом, разумеется, не может быть сомнений. Но беда в том, что сталинская бюрократия чем дальше, тем больше стремится действовать против фашизма его собственным оружием: она заимствует краски с его политической палитры и старается перекричать его на аукционе патриотизма. Это не методы принципиальной классовой политики, а приемы мелкобуржуазной конкуренции.

Трудно представить себе более постыдную принципиальную капитуляцию, как тот факт, что сталинская бюрократия заменила лозунг пролетарской революции лозунгом народной революции. Никакие хитросплетения, никакая игра цитатами, никакие исторические фальсификации не изменят того факта, что дело идет о принципиальной измене марксизму в целях наилучшей подделки под шарлатанство фашистов. Я вынужден здесь повторить то, что писал по этому вопросу несколько месяцев тому назад: «Разумеется, всякая великая революция есть народная или национальная революция в том смысле, что она объединяет вокруг революционного класса все живые и творческие силы нации и перестраивает нацию вокруг нового стержня.

¹⁰ «Третий период» – в соответствии с тогдашней официальной доктриной Коминтерна, новейшая история империализма и революционного движения распадалась на три периода: «первый период» (1917—1923) – период «наступления революции»; «второй период» (1923—1928) – период «стабилизации капитализма» или «относительной стабилизации капитализма»; «третий период» (с 1928 г.) – период нового, окончательного «наступления революции», который должен завершиться «крахом империализма». – *Примеч. науч. ред.*

Но это не лозунг, а социологическое описание революции, притом требующее точных и конкретных пояснений. В качестве же лозунга, это пустышка и шарлатанство, базарная конкуренция с фашистами, оплачиваемая ценою внесения путаницы в головы рабочих... Фашист Штрассер говорит: 95 % народа заинтересованы в революции, следовательно, это революция не классовая, а народная. Тельман подпевает ему. На самом же деле рабочий коммунист должен был бы сказать рабочему фашисту: конечно, 95 % населения, если не 98 %, эксплуатируется финансовым капиталом. Но эта эксплуатация организована иерархически: есть эксплуататоры, есть субэксплуататоры, субсубэксплуататоры и т.д. Только благодаря этой иерархии сверхэксплуататоры держат в подчинении себе большинство нации. Чтобы нация могла на деле перестроиться вокруг нового классового стержня, она должна предварительно идейно перестроиться, а этого можно достигнуть лишь в том случае, если пролетариат, не растворяясь в «народе», в «нации», наоборот, развернет программу **своей, пролетарской** революции и заставит мелкую буржуазию выбирать между двумя режимами... В нынешних же условиях Германии лозунг «народной революции» стирает идеологические грани между марксизмом и фашизмом, примиряет часть рабочих и мелкую буржуазию с идеологией фашизма, позволяя им думать, что нет необходимости делать выбор, ибо там и здесь дело идет о народной революции».

«Народная революция» как средство «национального освобождения»

Идеи имеют свою логику. Народная революция выдвигается как служебное средство для «национального освобождения». Такая постановка вопроса открыла доступ в партию чисто шовинистическим тенденциям. Нет, разумеется, ничего дурного в том, что к партии пролетариата приблизятся отчаявшиеся патриоты из лагеря мелкобуржуазного шовинизма: к коммунизму приходят разные элементы по разным дорогам и тропинкам. Искренние и честные элементы – наряду с отъявленными карьеристами и проходимцами-неудачниками – несомненно, имеются в ряду тех белогвардейских и черносотенных офицеров, которые за последние месяцы стали как будто поворачиваться лицом к коммунизму. Партия может использовать, конечно, и такие индивидуальные метаморфозы, как подсобное средство для разложения фашистского лагеря. Преступление сталинской бюрократии – да, прямое преступление – состоит, однако, в том, что она солидаризируется с этими элементами, отождествляет их голос с голосом партии, отказывается от разоблачения их националистических и милитаристических тенденций, превращая насквозь мелкобуржуазную, реакционно-утопическую и шовинистическую брошюру Шерингера¹¹ в новое евангелие революционного пролетариата. Из этой низкопробной конку-

¹¹ Шерингер Рихард (1904—1986) – главный фигурант известного «Ульмского дела». В марте 1930 г. в г. Ульм были арестованы 3 офицера 5-го Ульмского артиллерийского полка обер-лейтенант Фридрих Вендт и лейтенанты Рихард Шерингер и Ханс Лудин. Им инкриминировалась «государственная измена», а именно подготовка нацистского мятежа. Военный министр Грёнер, чтобы не привлекать внимания к этому делу, пытался осудить лейтенантов тайным судом по обвинению в «нарушении дисциплины». Но Шерингеру удалось передать из тюрьмы письмо в «Фёлькишер беобахтер» – и дело получило огласку. В сентябре 1930 г. Верховный суд в Лейпциге рассмотрел дело ульмских лейтенантов. На суде выступил лично А. Гитлер, использовавший трибуну для привлечения к нацистам симпатий армии. Суд приговорил 3 лейтенантов к 1,5 годам заключения. Но еще до суда Шерингер был распропагандирован в тюрьме заключенными-коммунистами. Из заключения он направил на волю заявление, в котором сформулировал 9 пунктов, доказывавших, что НСДАП не имеет никакого отношения к социализму, и призвал обманутых социальной демагогией членов нацистской партии перейти к коммунистам. Этот документ был зачитан 18 марта 1931 г. в рейхстаге депутатом от КПП Хансом Киппенбергером (руководитель военного аппарата КПП) и произвел сенсацию. КПП широко использовала послание Шерингера для пропаганды в неустойчивых (национал-большевистских) кругах, а кратковременный период активной работы КПП на «территории» национал-большевизма именуется «курсом (или линией) Шерингера». Из тюрьмы Шерингер тайно рассылал письма знакомым офицерам с призывом к созданию «Красной Армии» в Германии, за что осужден повторно на 2,5 года заключения. После выхода из тюрьмы – на подпольной технической работе в КПП. Избежал репрессий благодаря покровительству Х. Лудина, доросшего до больших чинов в СС. В 1945 г. назначен оккупационными властями госсекретарем при министре сельского хозяйства Баварии, проводил по 1953 г. в Баварии аграрную реформу. С 1945 по 1956 г. – представитель КПП в парламентарных, а затем парламентских струк-

рениции с фашизмом и выросло внезапное, на первый взгляд, решение 21 июля: у вас народная революция, и у нас народная революция; у вас национальное освобождение как высший критерий, и у нас то же самое; у вас война западному капитализму, и мы обещаем то же самое; у вас плебисцит, и у нас плебисцит, еще лучший, насквозь «красный».

Факт таков, что бывший революционный рабочий Тельман сегодня изо всех сил стремится не ударить лицом в грязь перед графом Стенбок-Фермором¹². Отчет о собрании партийных работников, на котором Тельман провозгласил поворот в сторону плебисцита, напечатан в «Роте фане» под претенциозным заглавием «Под знаменем марксизма». Между тем во главу угла своих выводов Тельман поставил ту мысль, что «Германия является сегодня мячом в руках Антанты». Дело идет, следовательно, прежде всего о «национальном освобождении». Но ведь в известном смысле и Франция, и Италия, и даже Англия являются «мячами» в руках Соединенных Штатов. Зависимость Европы от Америки, снова столь ярко обнаружившаяся в связи с предложением Гувера (завтра эта зависимость обнаружится еще резче и грубее), имеет гораздо более глубокое значение для развития европейской революции, чем зависимость Германии от Антанты. Вот почему – между прочим – лозунг Советских Соединенных Штатов Европы, а вовсе не один лишь голый лозунг «долгой Версальский мир», является пролетарским ответом на конвульсии Европейского континента.

Но эти вопросы стоят все же во второй линии. Политика наша определяется не тем, что Германия является «мячом» в руках Антанты, а прежде всего тем, что расколотый, обессиленный и униженный германский пролетариат является мячом в руках германской буржуазии. «Главный враг – в собственной стране!» – учил некогда Карл Либкнехт. Иль вы это забыли, друзья? Иль, может быть, это учение больше не годится? Для Тельмана оно явно устарело. Либкнехт заменен Шерингером. Вот почему такой горькой иронией звучит заглавие «Под знаменем марксизма»!

Школа бюрократического центризма как школа капитуляций

Несколько лет тому назад левая оппозиция предупреждала, что «истинно русская» теория социализма в отдельной стране неизбежно поведет к развитию социал-патриотических тенденций у других секций Коминтерна. Тогда это казалось фантазией, злостной выдумкой, «клеветой». Но идеи имеют не только свою логику, но и свою взрывчатую силу. Германская компартия в короткий срок втянулась на наших глазах в сферу социал-патриотизма, т.е. тех настроений и лозунгов, на смертельной вражде к которым был воздвигнут Коминтерн. Не пораительно ли? Нет, только закономерно!

Метод идейной подделки под противника и классового врага – метод, насквозь противоречащий теории и психологии большевизма – вытекает вполне органически из сущности

турах Баварии, организатор крестьянского движения. После запрета КПГ в 1956 г. арестован, осужден на 2 года тюрьмы за «коммунистическую деятельность» с последующим запрещением заниматься политикой. – *Примеч. науч. ред.*

¹² Стенбок-Фермор (Штенбок-Фермор фон Нитау), Александр (1902—1972) – немецкий писатель и деятель кино. Выходец из знатного остзейского рода, прибыл в Германию из Латвии в 1920 г. с частями прибалтийского ландсвера. Выступал как прозаик, сценарист и автор радиопьес. В 1927 г. был одним из основателей Коммуны художников в Вильгельмсдорфе, объединившей левых, антифашистски настроенных интеллектуалов и деятелей искусства. В 1931 г. большую известность получила его книга «Германия снизу. Путешествие по пролетарской провинции», написанная на основе поездок автора по Франконии, Тюрингии, Шлезвигу и Руру, по «Германии голода, бесправия и пробуждающихся масс». В 1931 г. стал одним из руководителей «Рабочего кружка «Ауфbruch»» (назван по одноименному журналу) – подставной псевдонационал-большевистской организации, созданной КПГ для пропагандистской работы в национал-большевистских кругах и рекрутирования национал-большевиков в ряды КПГ. В марте 1933 г. арестован нацистами, заключен в концлагерь Дахау до 1939 г. В 1940 г. создал подпольную группу Сопротивления «Революционные рабочие и солдаты» (РАС), присоединившуюся к «Красной капелле». С 1945 г. жил в ГДР, был известным писателем (его автобиографическая книга «Красный граф» выдержала множество изданий), сценаристом и режиссером на студии ДЕФА. Создал, в частности, несколько антифашистских фильмов. – *Примеч. науч. ред.*

центризма, из его беспринципности, бессодержательности, идейной пустоты. Так, в течение нескольких лет сталинская бюрократия проводила термидорианскую политику, чтоб вырвать у термидорианцев почву из-под ног. Испугавшись левой оппозиции, сталинская бюрократия стала по кускам подделывать левую платформу. Чтоб вырвать английских рабочих из-под власти тред-юнионизма, сталинцы повели тред-юнионистскую политику вместо марксистской. Чтоб помочь китайским рабочим и крестьянам выйти на самостоятельную дорогу, сталинцы загнали их в буржуазный Гоминдан. Этот перечень можно продолжить без конца. И на больших, и на малых вопросах мы видим один и тот же дух мимичности, постоянную подделку под противника, стремление воспользоваться против врага не собственным своим оружием – которого, увы, нет! – а оружием, украденным из arsenалов противника.

В том же самом направлении действует и нынешний партийный режим. Мы не раз говорили и писали, что самодержавие аппарата, деморализуя руководящий слой Коминтерна, принося и обезличивая передовых рабочих, дробя и коверкая революционные характеры, неизбежно ослабляет пролетарский авангард пред лицом врага. Кто покорно склоняет голову пред каждым указом сверху, тот никуда не годный революционный борец!

Центристы-чиновники были зиновьевцами при Зиновьеве, бухаринцами при Бухарине, сталинцами и молотовцами, когда наступило время Сталина и Молотова. Они склоняли головы даже перед Мануильскими, Куусиненами и Лозовскими. Они повторяли в каждый из пройденных этапов слова, интонации и мимику очередного «вождя», они по команде отказывались сегодня от того, в чем клялись вчера, и, заложив два пальца в рот, свистали тому отставному начальнику, которого вчера носили на руках. В этом гибельном режиме выхолащивается революционное мужество, опустошается теоретическое сознание, размягчаются позвоночники. Только бюрократы, прошедшие зиновьевско-сталинскую школу, могли с такой легкостью подменить пролетарскую революцию народной революцией и, объявив большевиков-ленинцев ренегатами, поднять на плечах шовинистов типа Шерингера.

«Революционная война» и пацифизм

Дело коммунистической партии Шерингеры и Стенбок-Ферморы милостиво рассматривают как прямое продолжение гогенцоллернской войны. Жертвы подлейшей империалистической бойни для них остаются героями, павшими за свободу германского народа. Новую войну за Эльзас—Лотарингию и за Восточную Пруссию они готовы назвать «революционной» войной. Они согласны принять – пока что на словах – «народную революцию», если она может послужить средством мобилизации рабочих для их «революционной» войны. Вся их программа – в идее реванша: если завтра им покажется, что той же цели можно достигнуть другим путем, они будут стрелять революционным пролетариям в спину. Не замалчивать это надо, а разоблачать. Не усыплять бдительность рабочих, а пробуждать. Как же поступает партия?

В коммунистической «Фанfare» от 1 августа, в самый разгар агитации за красный референдум, рядом с портретом Шерингера печатается одно из его новых апостольских посланий. Вот что говорится там дословно: «Дело мертвых мировой войны, которые отдали свою жизнь за свободную Германию, предает всякий, кто сегодня выступает против народной революции, против революционной освободительной войны». Не веришь глазам, читая эти откровения на страницах печати, которая называет себя коммунистической. И все это прикрывается именами Либкнехта и Ленина! Какой длинный кнут взял бы Ленин в руки для полемической расправы над таким коммунизмом! И он не остановился бы на полемических статьях. Он стал бы добиваться созыва экстренного международного конгресса, чтобы безжалостно очистить ряды пролетарского авангарда от гангрены шовинизма.

«Мы не пацифисты, – гордо возражают нам Тельманы, Ремеле и все прочие. – Мы принципиально стоим за революционную войну»¹³. В доказательство они готовы привести несколько цитат из Маркса и Ленина, подобранных для них в Москве невежественным «красным профессором». Можно подумать, в самом деле, будто Маркс и Ленин были глашатаями национальной войны, а не пролетарской революции! Будто понимание революционной войны у Маркса и Ленина имеет что-либо общее с националистической идеологией фашистских офицеров и центристских¹⁴ унтеров. Дешевой фразой о революционной войне сталинская бюрократия привлекает десяток авантюристов, но отталкивает сотни тысяч и миллионы социал-демократических, христианских и беспартийных рабочих.

«Значит, вы нам рекомендуете подделываться под пацифизм социал-демократии?» – возразит какой-нибудь особенно глубокомысленный теоретик новейшего курса. Нет, **подделываться** мы меньше всего склонны, даже под настроения рабочего класса; но **считаться** с ними необходимо. Только правильно оценивая настроения глубоких масс пролетариата, можно привести его к революции. Бюрократия же, подделываясь под фразеологию мелкобуржуазного национализма, игнорирует действительные настроения рабочих, которые не хотят войны, которые не могут ее хотеть и которых отталкивает воинственное фанфаронство новой фирмы: Тельман, Шерингер, граф Стенбок-Фермор, Гейнц Нойман и К^о.

С возможностью революционной войны, в случае завоевания власти пролетариатом, марксизм не может, разумеется, не считаться. Но отсюда еще очень далеко до того, чтоб историческую вероятность, которая может быть нам навязана ходом событий после завоевания власти, превращать в боевой политический лозунг до завоевания власти. Революционная война как вынужденное, при известных условиях, последствие пролетарской победы – это одно. «Народная» революция как средство для революционной войны, это нечто совсем другое, даже прямо противоположное.

Несмотря на принципиальное признание революционной войны, правительство советской России подписало, как известно, тягчайший Брест-Литовский мир. Почему? Потому, что крестьяне и рабочие, за исключением небольшой передовой прослойки, не хотели войны. Те же крестьяне и рабочие геройски защищали потом советскую революцию от бесчисленных врагов. Но когда мы попытались превратить навязанную нам Пилсудским тяжкую оборонительную войну в наступательную, мы потерпели поражение, и эта ошибка, выросшая из неправильного учета сил, очень тяжело ударила по развитию революции.

Красная армия существует уже 14-й год. «Мы не пацифисты». Но почему же советское правительство заявляет по всякому поводу о своей **мирной** политике? Почему оно предлагает **разоружение** и заключает договора о **ненападении**? Почему оно не пускает в ход Красную армию как орудие мировой пролетарской революции? Очевидно, недостаточно быть в принципе за революционную войну. Надо, кроме того, еще иметь голову на плечах. Надо учитывать обстановку, соотношение сил и настроение масс.

Если это обязательно для рабочего правительства, имеющего в своих руках мощный государственный аппарат принуждения, то тем более внимательно должна считаться с настроениями рабочих и вообще трудящихся революционная партия, которая может действовать только убеждением, а не принуждением. Революция для нас – не подсобное средство для войны против Запада, а, наоборот, средство для того, чтобы избежать войны, чтобы покончить с войной навсегда. С социал-демократией мы боремся не тем, что высмеиваем стремление к миру, свой-

¹³ Намек на известные слова Ленина на Апрельской (1917 г.) конференции большевиков: «Мы не пацифисты и не можем отказаться от революционной войны». Далее, однако, Ленин говорил: «Мы тогда поведем войну действительно революционную, когда власть будет иметь пролетариат». – *Примеч. науч. ред.*

¹⁴ Здесь и далее, в соответствии с принятой тогда в коммунистическом движении терминологией, под «центристами» Троцкий понимает левых социалистов. Имелось в виду, что левые социалисты находятся в «центре» – между социал-демократами справа и коммунистами слева. – *Примеч. науч. ред.*

ственное всякому труженику, а тем, что разоблачаем фальшь ее пацифизма, ибо капиталистическое общество, каждодневно спасаемое социал-демократией, немислимо без войн. «Национальное освобождение» Германии для нас не в войне с Западом, а в пролетарской революции, охватывающей и центральную и Западную Европу и объединяющей ее с Восточной Европой в виде Советских Соединенных Штатов. Только такая постановка вопроса может сплотить рабочий класс и сделать его центром притяжения для отчаявшихся мелкобуржуазных масс. Чтоб пролетариат мог продиктовать свою волю современному обществу, его партия не должна стыдиться быть пролетарской партией и говорить своим собственным языком: не языком национального реванша, а языком интернациональной революции.

Как должны были бы рассуждать марксисты

«Красный референдум» не упал с неба; он вырос из далеко зашедшего идеологического перерождения партии. Но от этого он не перестает быть самой злостной авантюрой, какую можно себе представить. Референдум вовсе не стал исходным моментом революционной борьбы за власть. Он целиком остался в рамках вспомогательного парламентского маневра. При его помощи партия умудрилась нанести самой себе комбинированное поражение: укрепив социал-демократию и, следовательно, правительство Брюнинга, прикрыв поражение фашистов, оттолкнув от себя рабочих социал-демократов и значительную часть своих собственных избирателей, партия стала на другой день после референдума значительно слабее, чем была накануне. Лучшей услуги германскому и мировому капитализму нельзя было оказать.

Капиталистическое общество, особенно в Германии, было за последние полтора десятилетия несколько раз накануне крушения, но оно каждый раз выкарабкивалось из катастрофы. Одних экономических и социальных предпосылок для революции недостаточно. Нужны политические предпосылки, т.е. такое соотношение сил, которое, если не обеспечивает победу заранее – таких положений не бывает в истории, – то делает ее возможной и вероятной. Стратегический расчет, смелость, решимость превращают затем вероятное в действительное. Но никакая стратегия не может невозможное превратить в возможное.

Вместо общих фраз об углублении кризиса и об «изменении ситуации» Центральный комитет обязан был точно указать, каково в настоящий момент соотношение сил в германском пролетариате, в профессиональных союзах, в фабрично-заводских комитетах, каковы связи партии с сельскохозяйственными рабочими и проч. Эти данные допускают точную проверку и не составляют тайны. Если б Тельман имел мужество открыто перечислить и взвесить все элементы политической обстановки, то он вынужден был бы прийти к выводу: несмотря на чудовищный кризис капиталистической системы и на значительный рост коммунизма за последний период, партия все еще слишком слаба, чтобы стремиться форсировать революционную развязку. К этой цели стремятся, наоборот, фашисты. В этом им готовы помочь все буржуазные партии, в том числе и социал-демократия. Ибо коммунистов все они боятся больше, чем фашистов. При помощи прусского плебисцита национал-социалисты хотели вызвать крушение архинеустойчивого государственного равновесия, чтобы вынудить колеблющиеся слои буржуазии поддержать их, фашистов, в деле кровавой расправы над рабочими. Помогать в этом фашистам с нашей стороны было бы величайшей глупостью. Вот почему мы против фашистского плебисцита. Так должен был бы закончить Тельман свой доклад, если бы в нем осталась крупница марксистской совести.

После этого следовало бы открыть дискуссию, как можно более широкую и откровенную, ибо господам вождям, даже и таким непогрешимым, как Гейнц Нойман и Ремеле, нужно внимательно выслушивать на всех поворотах голоса массы. Нужно вслушиваться не только в официальные слова, которые подчас говорит коммунист, но и в те более глубокие, более мас-

совые мысли, которые скрываются под его словами. Нужно не командовать рабочими, а уметь учиться у них.

Если б дискуссия была открыта, то, вероятно, один из участников ее произнес бы такую приблизительно речь:

«Тельман прав, когда доказывает, что, несмотря на несомненные изменения обстановки, мы, по соотношению сил, не должны стремиться к форсированию революционной развязки. Но именно поэтому к развязке, как мы видим, толкают наиболее решительные крайние враги. Сможем ли мы в таком случае выгадать необходимое нам время, чтобы произвести предварительную передвижку в соотношении сил, т.е. вырвать основные пролетарские массы из-под влияния социал-демократии, и тем заставить отчаявшиеся низы мелкой буржуазии повернуться лицом к пролетариату и спиной к фашизму? Хорошо, если это удастся. А что, если фашисты против нашей воли доведут все же дело до развязки в ближайшее время? Тогда пролетарская революция окажется снова обреченной на тяжкое поражение?»

На это Тельман, если б он был марксистом, ответил бы приблизительно так. Разумеется, выбор момента решительного боя зависит не только от нас, но и от наших врагов. Мы все согласны в том, что задачей **нашей** стратегии в настоящий момент является затруднить, а не облегчить нашим врагам форсирование развязки. Если наши враги тем не менее навяжут нам бой, мы, конечно, примем его, ибо нет и не может быть более тяжкого, более губительного, более уничтожающего, более деморализующего поражения, чем сдача великих исторических позиций без боя. Если инициативу развязки возьмут на себя – явно для народных масс – фашисты, они в нынешних условиях толкнут в нашу сторону широкие слои трудящихся. У нас в этом случае будет тем больше шансов одержать победу, чем яснее мы сегодня покажем и докажем рабочим миллионам, что вовсе не собираемся совершать переворотов без них и против них. Мы должны поэтому открыто сказать социал-демократическим, христианским и беспартийным рабочим: фашисты, небольшое меньшинство, хотят низвергнуть нынешнее правительство, чтоб захватить власть; мы, коммунисты, считаем нынешнее правительство врагом пролетариата; но это правительство опирается на **ваше** доверие и на **ваши** голоса; мы хотим опрокинуть это правительство путем союза с вами, а не посредством союза с фашистами против вас. Если фашисты попробуют устроить восстание, то мы, коммунисты, будем с ними бороться до последней капли крови – не для того, чтобы защитить правительство Брауна—Брюнинга, а для того, чтоб охранить от удушения и истребления цвет пролетариата, рабочие организации, рабочую печать, не только наши, коммунистические, но и ваши, социал-демократические. Мы готовы вместе с вами защищать любой рабочий дом, любую типографию рабочей газеты от нападения фашистов. И мы требуем от вас, чтоб вы обязались прийти нам на помощь в случае угрозы нашим организациям. Мы вам предлагаем единый фронт рабочего класса против фашистов. Чем тверже и настойчивее мы будем проводить эту политику, применяя ее ко всем вопросам, тем труднее будет фашистам застигнуть нас врасплох, тем меньше у них будет шансов разбить нас в открытом бою. Так ответил бы наш воображаемый Тельман.

Но тут берет слово оратор, проникнутый насквозь великими идеями Гейнца Ноймана. Из такой политики, скажет он, все равно ничего не выйдет. Социал-демократические вожди скажут рабочим: не верьте коммунистам, они вовсе не озабочены спасением рабочих организаций, а хотят попросту захватить власть; нас они считают социал-фашистами и разницы между нами и националистами они не делают. Вот почему политика, которую предлагает Тельман, сделает нас лишь смешными в глазах социал-демократических рабочих.

На это Тельман должен был бы ответить так. Называть социал-демократов фашистами – это, конечно, глупость, которая в каждый критический момент сбивает нас самих с толку и мешает нам найти дорогу к социал-демократическим рабочим. Отказаться от этой глупости есть самое лучшее, что мы можем сделать. Что касается того, будто под видом защиты рабочего класса и его организаций мы просто хотим захватить власть, мы скажем социал-демократиче-

ским рабочим: да, мы, коммунисты, стремимся завоевать власть, но для этого нам нужно безусловное большинство рабочего класса. Попытка захватить власть, опираясь на меньшинство, была бы презренным авантюризмом, с которым мы не имеем ничего общего. Мы не можем заставить большинство рабочих идти за нами, мы можем их только убедить. Если бы фашисты разгромили рабочий класс, то о завоевании власти коммунистами не могло бы быть и речи. Охранить от фашистов рабочий класс и его организации значит для нас обеспечить себе возможность убедить рабочий класс и повести его за собою. Мы не можем поэтому прийти к власти, иначе как охраняя, если нужно с оружием в руках, все элементы рабочей демократии в капиталистическом государстве.

К этому Тельман мог бы еще добавить: чтоб завоевать прочное, несокрушимое доверие большинства рабочих, мы больше всего должны остерегаться пускать им пыль в глаза, преувеличивать наши силы, закрывать глаза на факты или, еще хуже, искажать их. Надо говорить то, что есть. Врагов мы не обманем, у них тысячи органов для проверки. Обманывая рабочих, мы обманываем себя. Притворяясь более сильными, мы только ослабляем себя. В этом, друзья, нет никакого «маловерия», никакого «пессимизма». Нам ли быть пессимистами? Перед нами гигантские возможности. У нас неизмеримое будущее. Судьба Германии, судьба Европы, судьба всего мира зависит от нас. Но именно тот, кто твердо верит в революционное будущее, не нуждается в иллюзиях. Марксистский реализм есть предпосылка революционного оптимизма.

Так ответил бы Тельман, если бы он был марксистом. Но, к несчастью, он не марксист.

Почему молчала партия?

Но как же могла молчать партия? Доклад Тельмана, означавший поворот на 180 градусов в вопросе о референдуме, был принят без дискуссии. Так было предложено сверху: а предложено значит приказано. Все отчеты «Роте фане» свидетельствуют, что на всех собраниях партии референдум был принят «единогласно». Это единогласие выдается за признак особой силы партии. Где и когда еще в истории революционного движения бывала такого рода немая «монолитность»? Тельманы и Ремеле клянутся большевизмом. Но вся история большевизма есть история напряженной внутренней борьбы, в которой партия завоевывала свои взгляды и выковывала свои методы. Летопись 1917 года, величайшего года в истории партии, полна напряженной внутренней борьбой, как и история первого пятилетия после завоевания власти: при этом – ни одного раскола, ни одного крупного исключения по политическим мотивам. А ведь как-никак во главе большевистской партии стояли вожди другого роста, другого закала и другого авторитета, чем Тельман, Ремеле и Нойман. Откуда же эта ужасающая нынешняя «монолитность», это гибельное единогласие, которое каждый поворот злосчастных вождей превращает в абсолютный закон для гигантской партии?

«Никаких дискуссий!» Ибо, как поясняет «Роте фане», «в этой ситуации нужны не речи, а дела». Отвратительное лицемерие! Партия должна совершать «дела», отказываясь от их предварительного обсуждения. И о каких «делах» идет в данном случае речь? О том, чтоб поставить крестик на четырехугольнике казенной бумаги, причем при подсчете пролетарских крестиков нет даже возможности установить, не есть ли это фашистский крест (Hakenkreuz¹⁵). Принимай без сомнений, без размышлений, без вопросов, даже без тревоги в глазах новый козлиный прыжок данных богом вождей, иначе ты – ренегат и контрреволюционер! Вот тот ультиматум, который интернациональная сталинская бюрократия, как револьвер, держит у виска каждого передового рабочего.

¹⁵ Свастика. – Примеч. науч. ред.

Внешним образом кажется, что масса мирится с этим режимом и что все идет прекрасно. Но нет! Масса совсем не глина, из которой можно лепить, что угодно. Она по-своему, медленно, но очень внушительно реагирует на ошибки и нелепости руководства. Она по-своему сопротивлялась теории «третьего периода», бойкотировав бесчисленные красные дни. Она покидает французские унитарные синдикаты¹⁶, когда не может нормальным путем противодействовать экспериментам Лозовского – Монмуссо¹⁷. Не приняв «идеи» красного референдума, сотни тысяч и миллионы рабочих уклоняются от участия в нем. Это и есть расплата за преступления центристской бюрократии, которая недостойно подделывается под классового врага, но зато собственную партию крепко держит за горло.

Что говорит Сталин?

Действительно ли Сталин санкционировал авансом новый зигзаг? Никто этого не знает, как никто не знает мнений Сталина насчет испанской революции. Сталин молчит. Когда более скромные вожди, начиная с Ленина, хотели оказать влияние на политику братской партии, они произносили речи или писали статьи. Дело в том, что им было что сказать. Сталину нечего сказать. Он хитрит с историческим процессом так же, как он хитрит с отдельными людьми. Он думает не о том, как помочь немецкому или испанскому пролетариату сделать шаг вперед, а о том, как заранее обеспечить себе самому политическое отступление.

Непревзойденным образцом двойственности Сталина в основных вопросах мировой революции является его отношение к немецким событиям в 1923 году. Напомним, что писал он Зиновьеву и Бухарину в августе того года: «Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.д., созрели ли они уже для этого, – в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству Советскую страну, чего у нас не было, но что можем мы им дать в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем случае». А в худшем случае – их разобьют вдребезги и отбросят назад... По-моему, немцев надо удержать, а не поощрять». Сталин стоял, таким образом, вправо от Брандлера¹⁸, который в августе-сентябре 1923 года считал, наоборот, что завоевать власть в Германии не будет стоить никакого труда, но что трудности начнутся только на другой день после завоевания власти. Официальное мнение Коминтерна состоит ныне в том, что брандлерианцы упустили осенью 1923 года исключительную революционную ситуацию. Верховным обвинителем брандлериан-

¹⁶ Т.е. профсоюзы, объединенные в Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ), контролировавшуюся Компартией. – *Примеч. науч. ред.*

¹⁷ Т.е. линии Профинтерна. А. Лозовский был в тот период генеральным секретарем Профинтерна, а Г. Монмуссо – членом Исполкома Профинтерна от Франции. – *Примеч. науч. ред.*

¹⁸ Брандлер Генрих (1881—1967) – видный деятель социал-демократического и коммунистического движения Германии, член СДПГ с 1898 г., сторонник К. Либкнехта. В 1916 г. вступил в группу «Спартак» и был исключен из СДПГ. Циммервальдец. Один из основателей КППГ. С 1919 г. – член ЦК, с 1921 г. – председатель компартии, в 1923 г. – министр коалиционного левого правительства Саксонии. В 1922—1923 гг. – член Президиума Исполкома Коминтерна. Лидер «правого уклона» в партии, один из основных виновников провала вооруженного восстания в 1923 г. Снят за это с поста председателя и выведен из ЦК. Брандлерианцы были влиятельной силой в КППГ, и в апреле 1924 г. Брандлер вновь был избран в ЦК, но в марте 1925 г. по прямому указанию Коминтерна выведен из ЦК и отозван в Москву для работы в аппарате Коминтерна. Вскоре отстранен от работы в Коминтерне как «правый уклонист» и переведен на работу в ВСНХ. В 1927 г. вернулся в Германию, в 1928 г. опубликовал «Программу действий» – теоретическую базу «правого уклона», создал (совместно с А. Тальгеймером) «правую» фракцию в КППГ, которая пыталась организационно оформиться. В 1929 г. Брандлер и брандлерианцы исключены из КППГ за «оппортунизм» и «правый уклон», исключенные создали КППГО – Коммунистическую партию Германии (оппозиция). Брандлер возглавил также Международное объединение коммунистических оппозиций (ИВКО). В 1933 г. эмигрировал сначала во Францию, затем в Швейцарию, а в 1940 г. – на Кубу. Вернулся в Западную Германию в 1948 г., создал и возглавил группу «Рабочая политика». – *Примеч. науч. ред.*

цев является... Сталин. Объяснился ли он, однако, с Коминтерном по поводу своей собственной позиции в 1923 году? Нет, в этом нет ни малейшей надобности: достаточно запретить секциям Коминтерна поднимать этот вопрос.

По тому же образцу Сталин попытается, несомненно, разыграть и вопрос о референдуме. Уличить его Тельман¹⁹ не сможет, если б и посмел. Сталин подтолкнул через своих агентов немецкий ЦК, а сам двусмысленно отошел назад. В случае успеха новой политики все Мануильские и Ремеле провозгласили бы, что инициатива ее принадлежит Сталину. А на случай провала Сталин сохранил полную возможность найти виноватого. В этом ведь и состоит квинт-эссенция его стратегии. В этой области он силен.

Что говорит «Правда»?

А что же говорит все-таки «Правда», первая газета первой партии Коммунистического Интернационала? «Правда» не сумела дать ни одной серьезной статьи, ни одной попытки анализа положения в Германии. Из великой программной речи Тельмана она застенчиво приводит полдюжины бессодержательных фраз. Да и что может сказать нынешняя безголовая, бесхребетная, запутавшаяся в противоречиях, служащая бюрократии «Правда»? О чем может говорить «Правда» при молчащем Сталине?

24 июля «Правда» следующим образом объясняла берлинский поворот: «Неучастие в референдуме означало бы, что коммунисты стоят за нынешний реакционный Ландтаг». Все дело сводится здесь к простому вотуму недоверия. Но почему же в таком случае коммунисты не взяли на себя инициативу референдума, почему они в течение месяцев боролись против этой инициативы и почему они 21 июля стали перед ней вдруг на колени? Аргумент «Правды» есть запоздалый аргумент парламентского кретинизма, и только.

11 августа, после референдума, «Правда» меняет аргументацию: «Смысл участия в референдуме заключался для партии во **внепарламентской мобилизации масс**». Но ведь для этой именно цели, для внепарламентской мобилизации масс, назначен был день 1 августа. Не будем сейчас останавливаться на критике календарных красных дней. Но 1 августа коммунистическая партия во всяком случае мобилизовала массы под собственными лозунгами и под собственным руководством. Почему же через неделю понадобилась новая мобилизация, при том такая, когда мобилизуемые не видят друг друга, когда никто их не может подсчитать, когда ни сами они, ни их друзья, ни их враги не могут отличить их от их смертельных врагов?

На следующий день, в номере от 12 августа, «Правда» заявляет не больше не меньше как то, что «результаты голосования означают... самый большой удар из всех, которые рабочий класс наносил социал-демократии до сих пор». Не будем приводить цифры статистики референдума. Они известны всем (кроме читателей «Правды»), и они бьют нелепое и постыдное бахвальство «Правды» по лицу. Лгать рабочим, пускать им пыль в глаза эти люди считают в порядке вещей.

Официальный ленинизм раздавлен и растоптан каблуками бюрократического эпитонства. Но неофициальный ленинизм жив. Пусть не думают разнудавшиеся чиновники, что все пройдет для них безнаказанно. Научно обоснованные идеи пролетарской революции сильнее аппарата, сильнее любой кассы, сильнее самых свирепых репрессий. Аппаратом, кассой и репрессиями наши классовые враги неизмеримо сильнее нынешней сталинской бюрократии.

¹⁹ Вопрос о том, действительно ли Тельман был против последнего поворота и лишь подчинился Ремеле и Нойману, нашедшим опору в Москве, нас здесь не занимает, как чисто личный и эпизодический: дело идет о системе. Тельман не посмел апеллировать к партии и следовательно несет всю ответственность. (В действительности было как раз наоборот: Тельман безропотно выполнял указания Сталина, а Ремеле и Нойман тайно саботировали линию на союз с НСДАП. Но поскольку «группа Ноймана – Ремеле» не вступала в открытую полемику с Москвой, Троцкий, естественно, не мог об этом знать. – *Примеч. науч. ред.*

И тем не менее на территории России мы их победили. Мы показали, что их можно победить. Революционный пролетариат победит их всюду. Для этого ему необходима правильная политика. В борьбе со сталинским аппаратом пролетарский авангард отвоюет свое право вести политику Маркса и Ленина.

25 августа 1931 г.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев), № 24

РАБОЧЕЕ ГОСУДАРСТВО, ТЕРМИДОР И БОНАПАРТИЗМ *(Историко-теоретическая справка)*

Внешняя политика сталинской бюрократии – по обоим своим каналам: главному, дипломатическому и вспомогательному, коминтерновскому – совершила резкий поворот в сторону Лиги Наций, status quo, союза с реформистами и буржуазной демократией. Внутренняя политика повернула одновременно к рынку и «зажиточному колхознику». Новый разгром оппозиционных, полуоппозиционных групп и отдельных сколько-нибудь критических элементов, новая массовая чистка партии имеют своей задачей развязать Сталину руки для правого курса. По существу, дело идет о возвращении к старому, органическому курсу (ставка на кулака, союз с Гоминданом, Англо-русский комитет²⁰ и пр.), но в более широком масштабе и в неизмеримо более трудных условиях. Куда ведет этот курс? Слово «термидор» снова на многих устах. К сожалению, это слово стерлось от употребления, утратило конкретное содержание и явно недостаточно для характеристики ни того этапа, через который проходит сталинская бюрократия, ни той катастрофы, которую она prepares. Прежде всего нужно условиться о терминах.

Споры о «термидоре» в прошлом

Вопрос о «термидоре» тесно связан с историей левой оппозиции в СССР. Сейчас было бы нелегко установить, кто первый прибег к исторической аналогии с Термидором. Во всяком случае, в 1926 году позиции распределились примерно так. Группа «демократического централизма» (замученный Сталиным в ссылке В.М. Смирнов, Сапронов и др.) утверждала: «Термидор – совершившийся факт!». Странники платформы левой оппозиции, большевики-ленинцы, категорически опровергали это утверждение. По этой линии и произошел раскол. Кто оказался прав? Чтоб ответить на этот вопрос, надо точно определить, что, собственно, обе группы понимали под «термидором»: исторические аналогии допускают разные истолкования, а тем самым и злоупотребления.

Покойный В.М. Смирнов – один из наиболее благородных представителей старого большевистского типа – считал, что отставание индустриализации, рост кулака и нэпмана (нового буржуа), смычка между ними и бюрократией, наконец, перерождение партии зашли настолько далеко, что без новой революции возврата на социалистические рельсы быть не может. Пролетариат уже утратил власть. После разгрома левой оппозиции бюрократия выражает интересы возрождающегося буржуазного режима. Основные завоевания Октябрьской революции ликвидированы. Такова была в основе своей позиция группы «Д. Ц.»²¹.

²⁰ Англо-русский комитет единства – орган сотрудничества британских и советских профсоюзов, создан по инициативе советской стороны на совместной конференции в Лондоне в апреле 1925 г. Официальными целями комитета были: проведение единой линии в международном профсоюзном движении борьба против подготовки войны, совместное сопротивление наступлению капитала на права рабочих. В руководстве ВКП(б) не было единства относительно Англо-русского комитета: Сталин и Бухарин надеялись использовать комитет как инструмент распространения советского влияния в британских профсоюзах и инструмент давления на британские власти; Троцкий и объединенная оппозиция требовали выйти из комитета и начать открытую борьбу с реформистскими лидерами Британского Конгресса тред-юнионов (БКТ). Лидеры БКТ использовали комитет как защиту от критики слева и снизу. После провала Всеобщей стачки 1926 г. реформистские лидеры БКТ утратили потребность в комитете как в прикрытии и, воспользовавшись разрывом дипломатических отношений с СССР, в сентябре 1927 г. вышли из комитета. – *Примеч. науч. ред.*

²¹ «Децисты», группа «демократического централизма» – внутривнутрипартийная оппозиционная группа во главе с Т.В. Сапроновым, М.С. Богуславским, В.Н. Максимовской и др., выявившаяся во время профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг. «Децисты» выступали за расширение внутривнутрипартийной демократии, свободу групп и фракций, выборы в руководящие органы партии в условиях соревнования партийных групп и фракций, демократизацию профсоюзов и расширение их прав, совмещение

«Левая оппозиция» возражала на это: элементы двоевластия несомненно возникли в стране; но переход от этих элементов к господству буржуазии мог бы совершиться не иначе как посредством контрреволюционного переворота. Бюрократия уже связана с нэпманом и кулаком; но главные корни бюрократии еще уходят в рабочий класс. В борьбе с левой оппозицией бюрократия несомненно тащит за собой тяжелый хвост в виде нэпманов и кулаков. Но завтра этот хвост ударит по голове, т.е. по правящей бюрократии. Новые расколы в ее среде неизбежны. Перед опасностью прямого контрреволюционного переворота основное ядро центристской бюрократии обопрется на рабочих против нарождающейся сельской буржуазии. Исход конфликта еще далеко не предрешен. Рано еще хоронить Октябрьскую революцию. Разгром левой оппозиции облегчает дело Термидора. Но Термидор еще не произошел.

Достаточно воспроизвести точно **содержание** споров 1926—27 годов, чтоб правота позиции большевиков-ленинцев предстала, в свете дальнейшего развития, во всей своей очевидности. Кулак уже в 1927 году ударил по бюрократии, отказав ей в хлебе, который он успел сосредоточить в своих руках. В 1928 году бюрократия открыто раскалывается. Правые – за дальнейшие уступки кулаку. Центр вооружается идеями разгромленной им совместно с правыми левой оппозиции, находит опору в рабочих, разбивает правых, становится на путь индустриализации, а затем коллективизации. Ценою неисчислимых лишних жертв основные социальные завоевания Октябрьской революции оказались все же спасены.

Прогноз большевиков-ленинцев (точнее, «лучший вариант» их прогноза) подтвердился полностью. Сейчас на этот счет споров быть не может. Развитие производительных сил пошло не по пути восстановления частной собственности, а на базисе социализации, путем планового руководства. Мировое историческое значение этого факта может быть скрыто только от политических слепцов.

Действительный смысл термидора

Тем не менее можно и должно сейчас признать, что аналогия с Термидором служила скорее к затемнению, чем к выяснению вопроса. Термидор 1794 года произвел сдвиг власти от одних групп Конвента к другим группам, от одних слоев победоносного «народа» – к другим слоям. Был ли Термидор контрреволюцией? Ответ на этот вопрос зависит от того объема, который мы придаем в данном случае понятию «контрреволюция». Социальный переворот 1789—1793 годов имел буржуазный характер. Суть его сводилась к замене связанной феодальной собственности «свободной» буржуазной собственностью. Контрреволюция, эквивалентная этой революции, должна была бы произвести восстановление феодальной собственности. Но Термидор и не покушался на это. Робеспьер хотел опираться на ремесленников, Директория – на среднюю буржуазию. Бонапарт объединился с банками. Все эти сдвиги, имевшие, конечно, не только политическое, но и социальное значение, совершались, однако, на основе нового, буржуазного общества и государства.

Термидор был актом реакции на социальном фундаменте революции. Тот же смысл имело и 18 брюмера Бонапарта, следующий важный этап на пути реакции. Дело шло в обоих случаях не о восстановлении старых форм собственности или власти старых господствующих сословий, а о распределении выгод нового социального режима между разными частями победившего «третьего сословия». Буржуазия все более прибирала к рукам собственность и власть (прямо и непосредственно или же через особых агентов, как Бонапарт), отнюдь не покушаясь на социальные завоевания революции, наоборот, заботливо упрочивая, упорядочивая,

функций Совнаркома и Президиума ВЦИК и т.д. На IX и X съездах РКП(б) «децисты» выставляли своих содокладчиков по вопросам партийного и хозяйственного строительства. В 1923 г. «децисты» в большинстве блокировались со сторонниками Троцкого, в 1926 г. сформировали «группу 15-ти» во главе с Сапроновым, которая была исключена из ВКП(б) XV съездом (1927). – *Примеч. науч. ред.*

стабилизуя их. Наполеон охранял буржуазную, в том числе и крестьянскую собственность, как от «черни», так и от притязаний экспроприированных собственников. Феодалная Европа ненавидела Наполеона как живое воплощение революции, и по-своему она была права.

Марксистская оценка СССР

Нынешний СССР, несомненно, очень мало похож на тот тип советской республики, который Ленин рисовал в 1917 году (отсутствие постоянной бюрократии и постоянной армии, сменяемость всех выборных лиц в любое время, активный контроль масс «незирая на лица» и т.д.). Господство бюрократии над страной, как и господство Сталина над бюрократией, достигли почти абсолютного завершения. Но какие отсюда следуют выводы? Один скажет: так как реальное государство, вышедшее из пролетарской революции, не отвечает идеальным априорным нормам, то я поворачиваюсь к нему спиной. Это политический снобизм, обычный в пацифистски-демократических, либертерских²², анархо-синдикалистских, вообще ультралево-клубных кругах мелкобуржуазной интеллигенции. Другой скажет: так как это государство вышло из пролетарской революции, то всякая критика его есть святотатство и контрреволюция. Это голос ханжества, за которым чаще всего скрывается прямая материальная заинтересованность определенных групп той же мелкобуржуазной интеллигенции или рабочей бюрократии. Эти два типа – политического сноба и политического ханжи – очень легко переходят один в другой в зависимости от личных обстоятельств. Пройдем мимо обоих.

Марксист скажет: нынешний СССР явно не отвечает априорным нормам советского государства; исследуем, чего мы не предвидели, когда выработывались программные нормы, исследуем далее, какие социальные факторы исказили рабочее государство; проверим еще раз, распространились ли эти искажения на экономический фундамент государства, т.е. сохранились ли основные социальные завоевания пролетарской революции; если сохранились, то в какую сторону изменяются; имеются ли в СССР и на мировой арене такие факторы, которые могут облегчить и ускорить перевес прогрессивных тенденций развития над реакционными. Такой подход сложен. Он не дает готовой отмычки, которую так любят ленивые умы. Зато он не только спасает от двух язв: снобизма и ханжества, но и открывает возможность активного воздействия на судьбы СССР.

Когда группа «Д. Ц.» объявляла в 1926 году рабочее государство ликвидированным, она явно хоронила еще живую революцию. В противовес этому левая оппозиция выработала платформу реформ советского режима. Сталинская бюрократия громила левую оппозицию, чтоб отстоять и упрочить себя в качестве привилегированной касты. Но, борясь за свои позиции, она оказалась вынуждена извлечь из платформы левой оппозиции все те меры, которые только и дали ей возможность спасти социальные основы советского государства. Это неоценимый политический урок! Он показывает, как определенные исторические условия: отсталость крестьянства, усталость пролетариата, отсутствие решающей поддержки с Запада, подготовляют в революции «вторую главу», которая характеризуется подавлением пролетарского авангарда и разгромом революционных интернационалистов консервативной национальной бюрократией. Но этот же пример показывает, как правильная политическая линия позволяет марксистской группировке оплодотворять развитие, даже когда победители «второй главы» громят революционеров «первой главы».

Поверхностное, идеалистическое мышление, которое оперирует с готовыми нормами, механически примеривая к ним живое развитие, легко переходит от энтузиазма к прострации.

²² Т.е. анархистских. «Либертерами» («либертариями») стала себя называть часть французских и американских анархистов после того, как сам термин «анархизм» был – отчасти из-за криминальной деятельности самих анархистов, отчасти усиления буржуазной пропаганды – дискредитирован в глазах широких масс трудящихся. – *Примеч. науч. ред.*

Только диалектический материализм, который учит рассматривать все существующее в его развитии, в борьбе внутренних сил, сообщает необходимую устойчивость мышления и деятельности.

Диктатура пролетариата и диктатура демократии

В ряде предшествующих работ мы установили, что, несмотря на экономические успехи, обусловленные национализацией средств производства, **советское общество** сохраняет полностью противоречивый, переходный характер и по положению трудящихся, по неравенству условий существования, по привилегиям бюрократии стоит все еще гораздо ближе к капиталистическому режиму, чем к будущему коммунизму.

В то же время мы установили, что, несмотря на чудовищное бюрократическое перерождение, **советское государство** все еще остается историческим орудием рабочего класса, поскольку обеспечивает развитие хозяйства и культуры на основе национализированных средств производства и тем самым подготавливает условия для действительной эмансипации трудящихся путем ликвидации бюрократии и социального неравенства.

Кто не продумал и не воспринял серьезно эти два основных положения, кто вообще не изучил литературу большевиков-ленинцев по вопросу об СССР, начиная с 1923 года, тот рискует при каждом новом событии терять руководящую нить и заменять марксистский анализ жалобными причитаниями.

Советский (вернее было бы сказать, антисоветский) бюрократизм является продуктом социальных противоречий:

между городом и деревней; между пролетариатом и крестьянством (эти два рода противоречий не совпадают); между национальными республиками и областями; между разными группами крестьянства; между разными слоями пролетариата; между разными группами потребителей; наконец, между советским государством в целом и его капиталистическим окружением. Ныне, с переводом всех отношений на денежный расчет, экономические противоречия особенно остро выступают наружу.

Бюрократия регулирует эти противоречия, поднимаясь над трудящимися массами. Она пользуется этой своей функцией для упрочения своего господства. Осуществляя свое руководство бесконтрольно, произвольно и безапелляционно, она накапливает новые противоречия. Эксплуатируя их, она создает режим бюрократического абсолютизма.

Противоречия внутри самой бюрократии привели к отбору командующего ордена; необходимость дисциплины внутри ордена привела к единоначалию, к культу непогрешимого вождя. Один и тот же порядок царит на заводе, в колхозе, в университете, в государстве: вождь с дружиной верных; остальные следуют за вождем. Сталин никогда не был и по природе своей не мог быть вождем масс: он вождь бюрократических «вождей», их увенчание, их персонификация.

Чем сложнее становятся хозяйственные задачи, чем выше требования и интересы населения, тем острее противоречие между бюрократическим режимом и потребностями социального развития; тем грубее бюрократия борется за сохранение своих позиций; тем циничнее она прибегает к насилию, обману, подкупу.

Факт непрерывного ухудшения политического режима при росте хозяйства и культуры, этот вопиющий факт объясняется тем и только тем, что гнет, преследования, репрессии служат теперь на добрую половину не для охраны государства, а для охраны власти и привилегий бюрократии. Отсюда также и возрастающая необходимость маскировать репрессии при помощи подлогов и амальгам.

«Можно ли, однако, такое государство назвать **рабочим?**» – слышится возмущенный голос моралистов, идеалистов и «революционных» снобов. Более осторожные возражают так:

«Может быть, в последнем счете это и рабочее государство; но от диктатуры пролетариата в нем не осталось и следа: это выродившееся рабочее государство под диктатурой бюрократии».

Возвращаться к этой аргументации в полном ее объеме нет никакого основания. Все необходимое на этот счет сказано в литературе нашего течения и в его официальных документах. Никто не попытался опровергнуть, исправить или дополнить позицию большевиков-ленинцев в этом важнейшем вопросе.

Мы ограничимся здесь только одним вопросом: можно ли фактическую диктатуру бюрократии называть диктатурой пролетариата?

Терминологическое затруднение вырастает из того, что слово **диктатура** употребляется то в узкополитическом, то в более глубоком, социологическом смысле. Мы говорим о «диктатуре Муссолини» и в то же время заявляем, что фашизм есть лишь орудие финансового капитала. Что верно? И то и другое, но в разных плоскостях. Неоспоримо, что вся распорядительная власть сосредоточена в руках Муссолини. Но не менее верно, что все реальное содержание правительственной деятельности диктуется интересами финансового капитала. **Социальное господство класса («диктатура»)** может находить крайне различные **политические** формы. Об этом свидетельствует вся история буржуазии, со средних веков до сего дня.

Опыт Советского Союза уже достаточен, чтобы распространить тот же социологический закон – **со всеми необходимыми изменениями** – и на диктатуру пролетариата. Между завоеванием власти и растворением рабочего государства в социалистическом обществе формы и методы пролетарского господства могут резко меняться в зависимости от хода внутренней и внешней классовой борьбы.

Так, нынешнее командование Сталина ничем не напоминает власти Советов первых лет революции. Смена одного режима другим произошла не сразу, а в несколько приемов, посредством ряда малых гражданских войн бюрократии против пролетарского авангарда. В последнем историческом счете советская демократия оказалась взорвана напором социальных противоречий. Эксплуатируя их, бюрократия вырвала власть из рук массовых организаций. В этом смысле можно говорить о диктатуре бюрократии и даже о личной диктатуре Сталина. Но эта узурпация оказалась возможна и может держаться только потому, что **социальное содержание диктатуры бюрократии определялось теми производственными отношениями, которые заложила пролетарская революция**. В этом смысле можно с полным правом сказать, что диктатура пролетариата нашла свое искаженное, но несомненное выражение в диктатуре бюрократии.

Необходимо пересмотреть и исправить историческую аналогию

Во внутренних спорах русской и международной оппозиции Термидор условно понимался как первый этап буржуазной контрреволюции, направленной против социальной базы рабочего государства²³. Хотя существо спора от этого в прошлом, как мы видели, не страдало, но историческая аналогия получила все же чисто – условный, нереалистический характер, и эта условность чем дальше тем больше приходит в противоречие с интересами анализа новейшей эволюции советского государства. Достаточно сослаться на тот факт, что мы часто – и с достаточным основанием – говорим о плебисцитарном, или бонапартистском, режиме Сталина. Но бонапартизм во Франции пришел после Термидора. Оставаясь в рамках исторической аналогии, приходится спросить: если советского «термидора» еще не было, то откуда же было

²³ О термидорианском перерождении говорят и меньшевики. Что они под этим разумеют, понять нельзя. Меньшевики были против завоевания власти пролетариатом. Советское государство они и сейчас считают непролетарским (каким собственно – неизвестно). В прошлом они требовали возвращения к капитализму, теперь – к «демократии». Если сами они не являются представителями термидорианских тенденций, то что же такое вообще «Термидор»? Очевидно, простой литературный оборот. – *Примеч. Л. Троцкого.*

взяться бонапартизму? Не меняя наших старых оценок **по существу** – для этого нет никакого основания, – надо радикально пересмотреть историческую аналогию. Это поможет нам ближе подойти к некоторым старым фактам и лучше понять некоторые новые явления.

Переворот 9-го термидора не ликвидировал основных завоеваний буржуазной революции; но он передал власть в руки более умеренных и консервативных якобинцев, более зажиточных элементов буржуазного общества. Сейчас нельзя уже не видеть, что и в советской революции давно уже произошел сдвиг власти вправо, вполне аналогичный термидору, хотя и в более медленных темпах и замаскированных формах. Заговору советской бюрократии против левого крыла удалось сохранить на первых порах сравнительно «сухой» характер только потому, что самый заговор был проведен гораздо систематичнее и полнее, чем импровизация 9-го термидора.

Пролетариат социально однороднее буржуазии, но включает в себе все же целый ряд слоев, которые особенно отчетливо обнаруживаются после завоевания власти, когда формируется бюрократия и связанная с ней рабочая аристократия. Разгром левой оппозиции в самом прямом и непосредственном смысле означал переход власти из рук революционного авангарда в руки более консервативных элементов бюрократии и верхов рабочего класса. 1924 год – это и есть начало советского Термидора.

Дело идет не о тождестве, разумеется, а об исторической аналогии, которая всегда находит свои пределы в различиях социальных структур и эпох. Но данная аналогия не поверхностна и не случайна: она определяется крайним напряжением классовой борьбы во время революции и контрреволюции. Бюрократия в обоих случаях поднималась на спине плебейской демократии, обеспечившей победу нового режима. Якобинские клубы постепенно удушались. Революционеры 1793 года погибали в боях, становились дипломатами и генералами, падали под ударами репрессий или... уходили в подполье. Иные якобинцы с успехом превращались позже в наполеоновских префектов. К ним присоединялись все в большем числе перебежчики из старых партий, бывшие аристократы, вульгарные карьеристы. А в России? Постепенный переход от кипящих жизнью советов и партийных клубов к командованию секретарей, зависящих единственно от «горячо любимого вождя», воспроизводит через 130—140 лет ту же картину перерождения, но на более гигантской арене и в более зрелой обстановке.

Длительная стабилизация термидориански-бонапартистского режима стала возможной во Франции только благодаря развитию производительных сил, освобожденных от феодальных пут. Удачники, хищники, родственники и союзники бюрократии обогащались. Разочарованные массы впадали в прострацию.

Начавшийся в 1923 году подъем национализированных производительных сил, неожиданный для самой советской бюрократии, создал необходимые экономические предпосылки для ее стабилизации. Хозяйственное строительство открыло выход энергии активных и умелых организаторов, администраторов, техников. Их материальное и моральное положение быстро улучшалось. Создался широкий привилегированный слой, тесно связанный с правящей верхушкой. Трудящиеся массы жили надеждами или впадали в безнадежность.

Было бы нелепым педантизмом пытаться приурочить отдельные этапы русской революции к сходным событиям в конце XVIII века во Франции. Но прямо-таки бросается в глаза, что нынешний политический режим Советов чрезвычайно напоминает режим первого консула, притом к концу консульства, когда оно приближалось к империи. Если Сталину не хватает блеска побед, то режимом организованного пресмыкательства он, во всяком случае, превосходит первого Бонапарта. Такая власть могла быть достигнута лишь путем удушения партии, советов, рабочего класса в целом. Та бюрократия, на которую опирается Сталин, связана материально с результатами завершившейся национальной революции, но не имеет с развивающейся интернациональной революцией никаких точек соприкосновения. По образу жизни, интересам, психологии нынешние советские чиновники отличаются от революционных боль-

шевиков не менее, чем генералы и префекты Наполеона отличались от революционных якобинцев.

Термидорианцы и бонапартисты

Советский посол в Лондоне Майский разъяснял недавно делегации британских тредюнионов необходимость и справедливость сталинской расправы над «контрреволюционерами»-зиновьевцами. Этот яркий эпизод – один из тысячи – сразу вводит нас в самое сердце вопроса. Кто такие зиновьевцы, мы знаем. Каковы бы ни были их ошибки и шатания, одно несомненно: они представляют тип «профессионального революционера». Вопросы мирового рабочего движения – это их кровные вопросы. Кто таков Майский? Правый меньшевик, отравившийся в 1918 году от собственной партии вправо, чтоб иметь возможность войти министером в белое правительство за Уралом, под покровительством Колчака. Лишь после разгрома Колчака Майский счел своевременным повернуться лицом к советам. Ленин – и мы вместе с ним – с величайшим недоверием, чтоб не сказать презрением, относился к таким типам. Сейчас Майский, в сане посла, обвиняет «зиновьевцев» и «троцкистов» в стремлении вызвать военную интервенцию для реставрации капитализма... того самого, который Майский защищал от нас посредством гражданской войны.

Нынешний посол в Соединенных Штатах А. Трояновский принадлежал в молодости к большевикам, затем покинул партию, во время войны был патриотом, в 1917 году – меньшевиком. Октябрьская революция застаёт его членом ЦК меньшевиков, причем в течение ближайших лет Трояновский вел нелегальную борьбу против диктатуры пролетариата; в сталинскую партию, вернее, в дипломатию, вступил после разгрома левой оппозиции.

Парижский посол Потемкин был во время Октябрьской революции буржуазным профессором истории; присоединился к большевикам после победы. Бывший берлинский посол Хинчук в качестве меньшевика входил в дни октябрьского переворота в контрреволюционный московский Комитет спасения родины и революции²⁴ вместе с правым эсером Гринько, нынешним народным комиссаром финансов. Сменивший Хинчука в Берлине Суриц был политическим секретарем первого председателя Советов, меньшевика Чхеидзе и примкнул к большевикам после победы. Почти все другие дипломаты – того же типа; а между тем за границу назначаются – особенно после историй с Беседовским, Димитриевским, Агабековым и др.²⁵ – особо надежные люди.

²⁴ Комитет спасения родины и революции – эсеро-меньшевистская организация, созданная в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. для борьбы с советской властью. В комитет входили члены эсеро-меньшевистского ЦИК Советов 1-го созыва и Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, ушедшие со II съезда Советов члены фракции эсеров и меньшевиков, представители почтово-телеграфного союза, Предпарламента и т.п. Председатель комитета – эсер Н.Д. Авксентьев, большинство членов руководства – также эсеры. Комитет организовал 29 октября юнкерский мятеж в Петрограде, после подавления которого распался, а его руководители образовали «Союз защиты Учредительного собрания». – *Примеч. науч. ред.*

²⁵ Троцкий перечисляет имена известных советских перебежчиков. Беседовский Григорий Зиновьевич (1896—1948 или 1951) – советский дипломат. С 1912 г. – анархист, с 1917 г. – левый эсер, после раскола украинских левых эсеров в марте 1919 г. присоединился к их левому крылу, образовавшему Украинскую партию левых социалистов-революционеров («боротьбистов»), в начале 1920 г. возглавил полтавскую организацию «боротьбистов». В августе 1920 г. вступил в компартию. В 1921 г. – председатель полтавского губсовнархоза, с декабря 1921 г. – член ВУЦИК. С 1922 г. – на дипломатической работе в постпредствах Украины в Австрии и Польше, с сентября 1923 г. – на дипломатической службе СССР в Варшаве, Нью-Йорке, Токио. С мая 1927 г. – советник постпредства в Париже. В октябре 1929 г. бежал, выпрыгнув из окна постпредства и перебравшись через стену. Причиной бегства, вероятнее всего, была финансовая авантюра с англичанами, в которую ввязался Беседовский. После побега дал информацию западным разведслужбам, публиковался в эмигрантской прессе, выпустил книгу «На путях к термидору» (1930). Издавал газету «Борьба», вокруг которой пытался создать политическую партию из невозвращенцев. Во время оккупации Франции участвовал в Движении Сопротивления, был арестован и помещен в лагерь. После войны под разными псевдонимами (имам Разуза, Иван Крылов, Буду Сванидзе и др.) публиковал фальшивые мемуары и дневники о советской действительности 20—40-х гг. Дальнейшие следы Беседовского теряются, точная дата и обстоятельства его смерти неизвестны. Дмитриевский (у Троцкого ошибочно «Димитриевский»), Сергей Васильевич (1893—1964) – советский дипломат. В 1917 г. – эсер, с весны 1918 г. – активист антибольшевистского эсеро-кадетского «Союза возрождения России»,

Недавно мировая печать в связи с крупными успехами советской золотопромышленности сообщала сведения об ее организаторе, инженерере Серебровском. Московский корреспондент «Temps», успешно конкурирующий ныне с Дюранти и Луи Фишером²⁶ в качестве официоза бюрократических верхов, с особой тщательностью подчеркивал то обстоятельство, что Серебровский, большевик с 1903 года, принадлежит к «старой гвардии». Так действительно значится в партийном билете Серебровского. На самом деле он в качестве молодого студента-меньшевика участвовал в революции 1905 года, чтобы на долгие годы перейти затем в лагерь буржуазии. Февральская революция застаёт его правительственным директором двух работающих на оборону заводов, членом союза предпринимателей, активным участником борьбы против союза металлистов. В мае 1917 года Серебровский объявлял Ленина «немецким шпионом»! После победы большевиков Серебровский был мною, наряду с другими спецами, привлечен на техническую работу. Ленин относился к нему с недоверием, я – без большого доверия. Сейчас Серебровский – член ЦК партии!

В теоретическом журнале ЦК «Большевик» (31 декабря 1934 г.) напечатана статья Серебровского «О золотой промышленности СССР». Открываем первую страницу: «...под руководством любимого вождя партии и рабочего класса товарища Сталина...»; через три строки: «товарищ Сталин в беседе с американским корреспондентом г. Дюранти...»; еще через пять строк: «сжатый и точный ответ товарища Сталина...»; в конце страницы: «вот что значит по-сталински бороться за золото». Вторая страница: «учит нас великий вождь товарищ Сталин»; через четыре строки: «в ответ на их (большевиков) рапорт (!) товарищ Сталин писал: Поздравляю с успехом...». Ниже на той же странице: «воодушевленные указаниями товарища Сталина»; через одну строку: «партия во главе с товарищем Сталиным»; через две строки: «указания нашей партии и (!!) товарища Сталина». Возьмем конец статьи. На протяжении полустраницы читаем: «указания гениального вождя партии и рабочего класса товарища Сталина...» и через три строки: «слова любимого вождя товарища Сталина...».

в 1919 г. перешел на сторону красных, вступил в РКП(б). После окончания Гражданской войны редактировал «Библиотеку научного социализма», был директором «народного университета» в Петрограде, комиссаром военного училища, сотрудником Наркомата транспорта. С 1923 г. – на дипломатической службе, секретарь советских торгпредств и посольств в Берлине, Афинах, Стокгольме. В 1930 г. попросил в Швеции политического убежища. Обратил на себя внимание книгами «Судьба России» (1930) и «Сталин» (1931), в которых, выступая с националистических, антисемитских позиций, прославлял Сталина как вождя новой, национальной русской революции, противостоящего «еврейскому марксистскому заговору». Участник движения русских фашистов, в 1933 и 1940 гг. безуспешно пытался получить в нацистской Германии поддержку планам осуществления «национал-социалистической революции» в России. Агабеков, Георгий Сергеевич (1895—1937) – советский разведчик. Член РКП(б) с 1920 г., сотрудник ВЧК в Екатеринбурге с 1920 г., вскоре переведен в Среднюю Азию. Участвовал в раскрытии антисоветского заговора в Бухарской Народной Республике и в ликвидации Энвер-паша. С 1924 г. – сотрудник Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, резидент в Афганистане и Иране, с 1928 г. – начальник Восточного сектора ИНО ОГПУ, представитель ОГПУ в ЦКК ВКП(б). В октябре 1929 г. послан в Стамбул резидентом ОГПУ в Турции и на всем Ближнем Востоке. В июне 1930 г. бежал в Париж – отчасти по политическим причинам (разочарование в советском эксперименте после его сталинизации), отчасти по личным (намерение жениться на английской подданной И. Стритер). Опубликовал в 1930 г. книгу «ГПУ. Записки чекиста», в предисловии к которой написал, что считает своей задачей «разрушить, дезорганизовать весь ... секретный аппарат ГПУ за границей». С октября 1930 г. сотрудничал с британской контрразведкой, с ноября 1931 г. – с австрийской. В январе 1931 г. ГПУ неудачно пыталось похитить Агабекова в Румынии (дело «Филомены», вызвавшее крупный международный скандал). В 1937 г. агентура НКВД вовлекла Агабекова в операцию по вывозу художественных ценностей из Испании, и летом 1937 г. при невыясненных обстоятельствах Агабеков был убит в районе испано-французской границы. – *Примеч. науч. ред.*

²⁶ Троцкий называет американских журналистов, работавших в 20—30-х гг. в Москве и занимавших просоветскую позицию. Вальтер (Волтер) Дюранти (1884—1957) – корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве в 1913—1941 гг., пользовался доверием Сталина. Автор просталинской книги «Пишу так, как мне хочется» (1935). В 2003 г. в США была инициирована кампания о лишении его Пулитцеровской премии 1933 г. за репортажи из СССР, в которых Дюранти опровергал факт массового голода на юге России и на Украине. Луис Фишер (1896—1970) – корреспондент ряда американских газет в Москве в 1923—1937 гг. (одновременно – европейский корреспондент умеренно левого журнала «Нейшн»), сторонник коммунистических идей. Изменил свое отношение к Сталину под впечатлением от репрессий 30-х гг., что выразил в книге «Жизнь и смерть Сталина» (1952). В 1937—1939 гг. – представитель Испанской республики в Париже, руководил закупкой оружия и организацией пропаганды в защиту Республики. Профессор Принстона, советолог. Автор первой на Западе академической биографии Ленина, написанной с умеренно левых позиций («Жизнь Ленина», N.Y.—L., 1964). – *Примеч. науч. ред.*

Сама сатира стоит безоружной перед этим потоком раболепия! «Любимые вожди» не нуждаются, казалось бы, в том, чтоб им объяснялись в любви пять раз на каждой странице, притом в статье, посвященной не юбилею вождя, а... добычанию золота. С другой стороны, автор статьи, способный на такое пресмыкательство, не может, очевидно, иметь в себе ничего от революционера. Таков этот бывший царский директор крупнейших заводов, ведущий борьбу с рабочими, буржуа и патриот, ныне опора режима, член ЦК и стопроцентный сталинец!

Еще пример. Один из столпов нынешней «Правды», Заславский, доказывал в январе этого года недопустимость издавать реакционные романы Достоевского так же, как и «контрреволюционные сочинения Троцкого, Зиновьева и Каменева». Кто такой Заславский? В далеком прошлом – правый бундист (меньшевик из еврейского Бунда), затем буржуазный журналист, ведущий в 1917 году самую отвратительную травлю против Ленина и Троцкого как агентов Германии. В статьях Ленина за 1917 год встречается, в виде припева, фраза: «Заславский и подобные ему негодяи». Таким образом Заславский вошел в литературу партии как законченный тип наемного буржуазного клеветника. Во время гражданской войны он скрывался в Киеве в качестве журналиста белых изданий. Только в 1923 году он перешел на сторону советской власти. Сейчас он защищает сталинизм от контрреволюционеров Троцкого, Зиновьева и Каменева! Такими субъектами полна пресса Сталина, в СССР, как и за границей.

Старые кадры большевизма разгромлены. Революционеры заменены чиновниками с гибкой спиной. Марксистская мысль вытеснена страхом, лестью и интригой. Из ленинского Политбюро остался один Сталин: два члена Политбюро политически сломлены и затравлены (Рыков и Томский); два члена – в тюрьме (Зиновьев и Каменев), один – выслан за границу с лишением гражданства (Троцкий). Ленина от репрессий бюрократии, по выражению Крупской, спасла только смерть: не успев посадить его в тюрьму, эпигоны заперли его в мавзолей. Вся ткань правящего слоя переродилась. Якобинцев оттеснили термидорианцы и бонапартисты: большевиков заменили сталинцы.

Для широкого слоя консервативных и отнюдь не бескорыстных Майских, Серебровских и Заславских, больших, средних и малых, Сталин является верховным третейским судьей, деятелем благ и защитником от возможных оппозиций. В соответствии с этим бюрократия доставляет Сталину время от времени санкцию народного плебисцита. Съезды партии, как и съезды советов организуются по одному-единственному критерию: **за** или **против** Сталина? **Против** могут быть только «контрреволюционеры» и с ними поступают как надлежит. Такова нынешняя механика власти. Это **бонапартистская** механика, другого определения для нее в политическом словаре пока еще найти нельзя.

Различие ролей буржуазного и рабочего государства

Без исторических аналогий нельзя учиться у истории. Но аналогия должна быть конкретна: за чертами сходства нужно не забывать черт различия. Обе революции покончили с феодализмом и крепостничеством. Но одна, в лице самого крайнего своего фланга, лишь тщетно порывалась выйти за пределы буржуазного общества; другая действительно опрокинула буржуазию и создала рабочее государство. Это основное классовое различие, вводящее аналогию в необходимые материальные пределы, имеет решающее значение для прогноза.

После глубокой демократической революции, освобождающей крестьян от крепостного права и наделяющей их землей, феодальная контрреволюция вообще невозможна. Низвергнутая монархия может вернуть себе власть и окружить себя призраками средневековья. Но восстановить экономику феодализма она уже не в силах. Буржуазные отношения, раз освободившись от феодальных пут, развиваются автоматически. Остановить их не может уже никакая внешняя сила: они сами должны вырыть себе могилу, создав предварительно своего могильщика.

Совсем иначе обстоит дело с развитием социалистических отношений. Пролетарская революция не только освобождает производительные силы из пут частной собственности, но и передает их в непосредственное распоряжение порожденному ею же государству. В то время как буржуазное государство после революции ограничивается полицейской ролью, предоставляя рынок своим собственным законам, рабочее государство выступает в прямой роли хозяина-организатора. Смена одного политического режима другим оказывает на рыночное хозяйство лишь косвенное и поверхностное воздействие. Наоборот, замена рабочего правительства буржуазным или мелкобуржуазным неминуемо повела бы к ликвидации планового начала, а в дальнейшем и к восстановлению частной собственности. **В отличие от капитализма социализм строится не автоматически, а сознательно.** Продвижение к социализму неотделимо от государственной власти, которая хочет социализма или вынуждена его хотеть. Получить незыблемый характер социализм может только на очень высокой стадии развития, когда его производительные силы далеко превзойдут капиталистические, когда человеческие потребности всех и каждого будут получать обильное удовлетворение и когда государство окончательно отомрет, растворившись в обществе. Но все это пока – дело отдаленного будущего. На данном этапе развития социалистическое строительство стоит и падает вместе с рабочим государством. Только до конца продумав глубокое различие законов формирования буржуазного («анархического») и социалистического («планового») хозяйства, можно понять те пределы, дальше которых аналогия с Великой французской революцией не должна заходить.

Октябрь 1917 года завершил демократическую революцию и открыл социалистическую. Аграрно-демократического переворота в России не повернет назад уже никакая сила в мире: здесь полная аналогия с якобинской революцией. Но колхозный переворот еще полностью остается под ударом, а с ним вместе и национализация средств производства. Политическая контрреволюция, даже если бы она докатилась до династии Романовых, не могла бы восстановить помещичье землевладение. Но достаточно было бы реставрации блока меньшевиков и эсеров у власти, чтоб социалистическое строительство пошло насмарку.

Перерастание бюрократического центризма в бонапартизм

Основное различие двух революций, а, следовательно, и «соответствующих» им контрреволюций чрезвычайно важно для понимания значения тех **реакционных политических сдвигов, которые составляют сущность режима Сталина.** Крестьянская революция, как и опиравшаяся на нее буржуазия, отлично мирилась с режимом Наполеона и даже устояли под Людовиком XVIII. Пролетарская революция подвергается смертельной опасности уже при нынешнем режиме Сталина: дальнейшего сдвига вправо она не выдержит.

«Большевицкая» по своим традициям, но по существу давно отрекшаяся от традиций, мелкобуржуазная по составу и духу советская бюрократия призвана регулировать антагонизм между пролетариатом и крестьянством, между рабочим государством и мировым империализмом: такова социальная основа **бюрократического центризма**, его зигзагов, его силы, его слабости и его столь губительного влияния на мировое пролетарское движение²⁷. Чем независи-

²⁷ Брандлерианцы, в том числе и вожди SAP, теоретически остающиеся и сегодня учениками Тальгеймера, видели в политике Коминтерна только «ультралевизну» и отрицали (продолжают отрицать) самое понятие бюрократического центризма. Нынешний «четвертый период», когда Сталин, на крюке Коминтерна, тащит европейское рабочее движение **вправо** от официального реформизма, показывает, как поверхностна и оппортунистична политическая философия Тальгеймера – Вальхера и К°. Ни одного вопроса эти люди не умеют додумать до конца. Именно поэтому они и относятся с таким отвращением к принципу **говорить то, что есть**, т.е. к высшему принципу всякого научного анализа и всякой революционной политики. (SAP, САП – Sozialistische Arbeiterpartei, Социалистическая рабочая партия; партия левосоциалистического толка, образованная в октябре 1931 г. сторонниками М. Зейдвица, К. Розенфельда и других левых социал-демократических депутатов рейхстага, исключенных за «левизну» из СДПГ. Весной 1932 г. в САП вступила группа «левых брандлерианцев» во главе с Паулем Фрелихом и Якобом Вальхером, исключенных за «левых уклон» из ГКПО. Вскоре группа Фрелиха—Вальхера возоблудала

нее становится бюрократия, чем более власть концентрируется в руках одного лица, тем более **бюрократический центризм превращается в бонапартизм.**

Понятие бонапартизма, как слишком широкое, требует конкретизации. Мы называем в последние годы этим именем те капиталистические правительства, которые, эксплуатируя антагонизм пролетарского и фашистского лагерей и опираясь непосредственно на военно-полицейский аппарат, поднимаются над парламентом и демократией в качестве спасителей «национального единства». Этот бонапартизм упадка мы всегда строго отличали от молодого, наступательного бонапартизма, который был не только могильщиком политических принципов буржуазной революции, но и охранителем ее социальных завоеваний. Мы называем эти два явления общим именем, так как у них есть общие черты: в старце можно узнать юношу, несмотря на беспощадную работу времени.

Нынешний кремлевский бонапартизм мы сопоставляем, разумеется, с бонапартизмом буржуазного восхождения, а не упадка: с консульством и первой империей, а не с Наполеоном III и, тем более, не со Шлейхером²⁸

в САП. В 1933 г. САП присоединилась к проекту создания IV Интернационала, но вскоре идейно разошлась с Троцким. Тальгеймер, Август (1884—1948) – видный деятель германского социал-демократического и коммунистического движения. Член СДПГ с 1910 г., сподвижник Р. Люксембург, один из организаторов Союза «Спартак», один из основателей КПП, ее главный теоретик до 1923 г., член ЦК, редактор «Роте фане». В 1923 г., совместно с Г. Брандлером, признан одним из главных виновников поражения вооруженного восстания, выведен из руководства КПП и отозван в Москву, где руководил подотделом пропаганды Коминтерна. В 1927 г. вместе с Г. Брандлером вернулся в Германию, где возглавил правую фракцию в партии. В 1929 г. исключен из КПП, после чего стал одним из основателей и теоретиком КПГО. В 1933 г. эмигрировал во Францию и затем на Кубу. Вальхер, Якоб (1887—1970) – видный деятель профсоюзного, социал-демократического и коммунистического движения Германии. С 1906 г. – член СДПГ и профсоюза металлистов, где занимал ряд руководящих постов. Один из руководителей левого крыла СДПГ; в 1911—1914 гг. – редактор социал-демократического органа «Швабише тагвахт». Один из организаторов спартаковского движения, один из основателей КПП, с ноября 1918 г. – секретарь КПП в Штутгарте, в 1921—1923 гг. – руководитель профотдела КПП. В 1923 г., как брандлерианец, отстранен от руководящей работы в партии. В 1924—1926 гг. – на работе в Профинтерне. С 1927 г. – на партийной работе в Германии, депутат рейхстага. Исключен из КПП в 1929 г. как брандлерианец, стал одним из руководителей КПГО, возглавил в КПГО левое крыло, в 1931 г. был вместе с П. Фрелихом и другими «левыми» исключен из партии, вступил в САП, где занял видное положение. В 1933 г. эмигрировал, был членом руководства САП в эмиграции в Праге, затем выехал в США. После II Мировой войны вернулся в Восточную Германию, вступил в СЕПГ, занимал ряд руководящих постов. В 1949 г., в ходе сталинских чисток, исключен из партии, в 1956 г. восстановлен и реабилитирован. – *Примеч. науч. ред.*

²⁸ Фон Шлейхер Курт (1882—1934) – ставленник германской военщины, в декабре 1932 г. вопреки воле рейхстага и политических партий назначен рейхсканцлером; прямой политический предшественник Гитлера, установивший по сути диктаторский режим. Убит нацистами во время «ночи длинных ножей». – *Примеч. науч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.